

СВѢТОЧЪ

— ■ И ■ —

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

Подъ редакціей
А. В. Круглова.

Годъ IV.

Апрѣль.

1910 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

„СВѢТОЧЪ“.

I — РАСПЯТІЕ. — Иллюстр. на отд. листѣ. — Съ карт. В. М. Васнецова.	3
II — СОШЕСТВІЕ ВО АДЪ. — Иллюстр. на отд. листѣ. — Съ карт. В. М. Васнецова	5
III — СТРАШНЫЙ СУДЪ. — Иллюстр. на отд. листѣ. — Съ карт. В. М. Васнецова	7
IV — У ПЛАЩАНИЦЫ. — Страничка изъ дневника. — А. В. Круглова. .	9
V — НА ГОЛГОФѢ. — Иллюстр. на отд. листѣ. — Штейбена	13
VI — ПАСХА КРАСНАЯ. — Миниатюра. — В. Г. Рязанцева	15
VII — СВѢТЪ ОТЪ КРЕСТА. — Иллюстр. на отд. листѣ. — С. В. Беклемишева	19
VIII — СВѢТЪ И ТЬМА. — Стих. — А. В. Круглова	21
IX — РАДОСТЬ. — Очеркъ. — А. Н. Догановичъ	23
X — ЛЕПЕСТКИ ЖИЗНИ. — Стихотворенія. — А. А. Коринфскаго . . .	30
XI — ПОДВѢЧНОЕ ПЛАТЬЕ. — Разсказъ. — Л. А. Коцевольской . . .	33
XII — „РАННИМЪ УТРОМЪ. ВЪ ВЕСЕННЕМЪ ЛѢСУ.“ — Ф. И. Чернова .	41
XIII — СТЕПЬ. — Стихотвореніе. — Н. В. Симборскаго	42
XIV — РУССКІЙ ВРАЧЪ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. — Д-ра мед. В. К. Недзвецкаго	44
XV — КРЫМСКІЕ НАБРОСКИ. — IV. — КРАСОТЫ АЛУПКИ. — И. В. Попова-Пермскаго	56
XVI — СЪ ДОРОГИ. — (Изъ размышленій на перепутьѣ). — Проф. А. Ф. Басова	63
XVII — АРХІЕПИСКОПЪ НИКОЛАЙ И ПРАВОСЛАВІЕ ВЪ ЯПОНИИ. — К. . . .	68
XVIII — ВЪ ПАСХАЛЬНУЮ НОЧЬ. — Стихотвор. — П. П. Мироносицкаго .	83
XIX — ИЗЪ РАЗНЫХЪ КРАЕВЪ. — ПАСХА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. — Письмо съ Невскаго берега. — А. Ф. Цвѣтковой	85
XX — КНИЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ	88
1) Врачъ К. М. Поповъ. — Очерки душевной гигиены. — А. Н. Догановичъ. — 2) Исторія Русско-Японской войны. — М. Е. Бархатова и В. В. Функе. — С. — 3) Русскій Царь съ Царицею на поклоненіи Московскимъ святынямъ. — Ск.	
XXI — ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ. — А. А. Горскаго	94
XXII — СМѢСЬ	96

СВѢТОЧЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

иллюстрированный литературно-научный

ЖУРНАЛЪ ДЛѢ ВСѢХЪ

ПОДЪ РЕДАКШЕЙ

А. В. Круглова.

Годъ IV.

Апрѣль.

1910 г.

Редакція „СВѢТОЧА“ и „ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ“:
Москва, Тверская, уг. Брюсовскаго, д. гр. Олсуфьевой.

Въ журналѣ принимали и принимаютъ участіе, кромѣ А. В. Круглова и А. Н. Догановичъ, слѣд. ученые, писатели и художники: Н. А. Акимовъ, П. А. Аксаковъ, Л. Д. Александровъ, Л. Н. Афанасьевъ, Н. Н. Баринъ (Энбе), проф. А. Ф. Басовъ, О. П. Бахмутская, д-ръ философіи М. В. Безобразова, С. М. Битюковъ, М. С. Бѣлкинъ, П. И. Бѣляевъ, Л. Н. Бельковичъ, Д. П. Варлыгинъ, профес. дух. академіи Д. И. Введенскій, С. В. Витимскій, С. М. Власъевъ, И. И. Вологодскій, И. Н. Глухаревъ, К. П. Говоровъ, Л. Д. Гончаревскій, Н. А. Гребецкой, свящ. А. М. Державинъ, В. С. Добржинецкій, прив.-доцентъ моск. унив. д-ръ медиц. С. М. Доброхотовъ, А. П. Доброхотовъ, полк. генер. штаба М. А. Дорманъ, проф. прот. Н. А. Елеонскій, А. В. Жиркевичъ, И. И. Житницкій, В. И. Ивановъ, О. В. Иванова, В. Я. Ивановъ-Енотаевскій, Н. П. Ивинская, Б. В. Каховскій, Н. В. Каховскій, Е. Н. Клетнова, Н. Г. Конаржевскій, А. А. Коринфскій, М. А. Козыревъ, прис. пов. Н. Д. Кузнецовъ, Р. П. Кумовъ, В. П. Лебедевъ, К. С. Лебедевъ, Е. Н. Ловещкая, М. В. Лысковскій, К. П. Медвѣдскій, В. Л. Маяковъ, свящ. М. И. Менстровъ, П. П. Мироносицкій, заслуженный профессоръ П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій, Н. А. Мучникъ, докторъ медиц. В. К. Недзвецкій, А. Н. Никитина, Н. Н. Оглоблинъ, М. И. Орѣшниковъ, Д. И. Павловъ, свящ. М. И. Пеньковскій, Е. А. Полушкина, И. В. Поповъ-Пермскій, Я. Я. Полферовъ, Е. Н. Поселянинъ, Д. М. Ратгаузъ, Б. И. Радинъ, П. И. Радинъ, П. А. Россіевъ; И. В. Рошинъ, В. Ф. Рыжковъ, В. Г. Рязанцевъ, И. А. Савченко, Л. А. Самарина, Е. И. Свѣтова, В. А. Скрипицынъ, А. В. Скрипицынъ, К. И. Смирновъ, Н. П. Столпянскій, М. Г. Сулима, проф. моск. универс. И. Т. Тарасовъ, профессоръ А. А. Тихомировъ, С. Т. Тураганъ, А. А. Федоровъ-Давыдовъ, С. Н. Хазовъ, Ф. И. Черновъ, А. А. Чумакъ, Ф. М. Чеботаревъ, С. Н. Шубинскій, И. П. Ювачевъ и др. Художники: С. В. Беклемеишевъ, И. Е. Полушкинъ, А. И. Рукина-Кошугъ, А. И. Соколовъ, П. Ф. Яковлевъ и др.

Къ свѣдѣнію авторовъ.

1) Принятая статья, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Авторы, несогласные на это, благоволятъ оговорить свои требованія при посылкѣ статей. Необозначающимъ размѣра гонорара таковой назначается по усмотрѣнію редакціи. Гонораръ выдается по воскресеньямъ отъ 4-хъ до 5 часовъ. Расчетъ по журналу производится черезъ 10 дней по выходѣ книжки. По почтѣ гонораръ высылается 15 чис. каждаго мѣсяца.

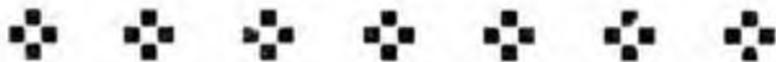
2) На отвѣтъ прилагается почтовая марка. Рукописи обратно высылаются **только заказной бандеролью**, для чего должны быть присланы марки въ соответствующемъ количествѣ. Стихи и замѣтки менѣ писчаго листа не возвращаются.

3) Рукописи сохраняются 3 мѣсяца, послѣ чего уничтожаются. На прочтеніе рукописи полагается срокъ **отъ 2-хъ до 3-хъ мѣсяцевъ**. Неразборчивыя рукописи **НЕ ЧИТАЮТСЯ, ПРОСЯТЪ ПИСАТЬ НА ОДНУЮ СТОРОНУ ЛИСТА**. *Личныя объясненія въ редакціи съ редакторомъ только по воскресеньямъ отъ 4 до 5 ч. дня; съ секретаремъ редакціи ежедневно отъ 3 до 4 ч. дня.*

Распятие.

В. М. Водосвояков.

Сошествіе во адъ.

В. М. Васнецовъ.

Страшный судъ.

В. М. Васнецовъ.

У ПЛАЩАНИЦЫ.

Страничка изъ дневника.

лужба кончена. Молящиеся ушли изъ храма. Но храмъ не запертъ. Въ немъ идутъ приготовления къ Свѣтлой заутрени.

Плащаница уже снята съ возвышенія, со середины храма придвинута ближе къ солеѣ. Мирно почіетъ Голговскій Страдалецъ. Ни-

кого нѣтъ около Него.

Впрочемъ, не совсѣмъ такъ.

Передъ плащаницей стоитъ на колѣняхъ женщина, и слезы ручьемъ бѣгутъ по ея щекамъ.

Блѣдное выразительное лицо освѣщено глубоко впавшими глазами, скорбный взглядъ которыхъ устремленъ на лежащаго Спасителя.

Женщина плачетъ, и уста ея шепчуть только эти слова:
„Спасе мой! Спасе мой!“

А слезы бѣгутъ по лицу и скатываются на скромную одежду.

Я тоже опускаюсь на колѣни передъ плащаницей и припадаю къ ногамъ Христа.

Тихо кругомъ. Безгласенъ израненный Учитель любви.

„Спасе мой! Спасе мой!“ раздается въ тишинѣ скорбный вопль женщины.

Никакихъ другихъ словъ какъ бы не находится у нея.

Я стою на колѣняхъ, и скорбь сжимаетъ мое сердце, раскаяніемъ полна душа...

Я шепчу взволнованно:

„Иисусе, Сыне Божій! Помилуй меня! Прости грѣшнаго, слабого, ропщущаго подъ тяжестью жизненнаго креста! Съ сердцемъ, полнымъ любви къ Тебѣ, съ жаждою служить Тебѣ вступилъ я въ путь жизни и... сколько разъ распиналъ Тебя своимъ гнѣвомъ, своею плотскою страстностью... Я сомнѣвался, падалъ, возмущался духомъ“.

Я приникаю устами къ краю плащаницы...

А женщина повторяетъ одно и то же:

„Спасе мой! Спасе мой!“

Ея вопль кратокъ... но онъ сильнѣе всякой многословной молитвы. Онъ жжетъ и мое сердце. Я чувствую всю глубину скорби этой женщины, всю безмѣрность любви ея къ Господу.

Какъ одна изъ евангельскихъ женъ, пришла она къ Учителю и неустанно оmyваетъ Его нозии своими слезами и словами любви помазуетъ Его тѣло.

Я поднимаюсь съ колѣнъ.

Женщина шепчетъ, плачетъ и молится. Она ничего не видитъ предъ собою кромѣ этого гроба, гдѣ лежитъ Спаситель. Она какъ бы забыла всѣ раны своего сердца и зреть только раны Господа и потому-то вопіетъ со скорбью:

„Спасе мой! Спасе мой!“

Она не договариваетъ многоаго, но оно понятно каждому чуткому сердцу.

Я наклонился, чтобы облобызать прободенныя гвоздями руки Христа, и мои колѣни сейчасъ же сгибаются сами собою. И я приникаю головою ко гробу Господню.

Не хочется уходить... Какъ-то скорбно оставлять Его одного. Хочется стоять вотъ тутъ, у гроба, взирать со слезами на безмолвно лежащаго Агнца и переживать эту сладкую скорбь, которая сближаетъ съ Христомъ.

Я стою и плачу... И легче мнѣ... Слезы словно роса освѣжаютъ душу.

Не хочется уходить... Не тянеть туда, на улицу, на шумъ, изъ этой святой тишины, отъ гроба, въ которомъ покоится Спаситель. Все бы стоялъ тутъ, лобзалъ бы раны Его и ждалъ бы той минуты, когда явится Ангелъ, отвалитъ камень отъ гроба, и воскреснетъ Спаситель міра, принешии воскресеніе жизни истомленному человѣчеству.

Святой Небожитель! Отвали камень и отъ моего сердца!

Пусть лучи незаходящаго свѣта яркимъ снопомъ ворвутся во тьму сердечной пещеры, озарятъ ее своею благодатью, изгонятъ скорбь, злобу, ненависть и очистятъ мѣсто для посѣва Христовыхъ истинъ.

Я стою и молюсь безъ словъ.

Вотъ поднимается и она, плачущая жена, подходитъ ко гробу и лобзааетъ руки и ноги Христа, омываетъ ихъ слезами.

Я невольно тоже снова лобзаю край плащаницы и переживаю то, чего нельзя выразить словомъ... Чувствую, что поднимается внутри меня какая-то теплая волна, согрѣвающая сердце, возносящая мысль.

Не хочется покидать храмъ...

Но входятъ люди, и начинается стукъ...

Женщина бросаетъ прощальный взглядъ на плащаницу и идетъ къ дверямъ.

Я слѣдую за нею.

У выхода женщина оборачивается, смотритъ на плащаницу и опять шепчетъ:

„Спасе мой, Спасе мой!“

И поспѣшно выходитъ изъ храма.

Я выхожу тоже.

Есть минуты, въ которыя переживаешь годы.

Эти минуты я переживаю сегодня.

Да будетъ благословенна та добрая душа, которая послала сюда меня, и да будетъ радостна жизнь той, которая такъ скорбно рыдала у гроба Господня и своими слезами какъ

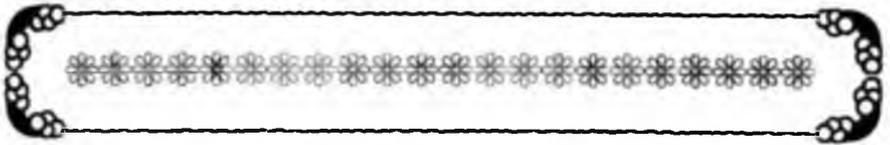
бы растопила мое сердце и вызвала у меня благодатныя слезы.

Блаженныя минуты! Повторяйтесь чаще!

Погашайте собою другія минуты жизни, одно воспомина-
ніе о которыхъ отравляетъ горечью сердце!

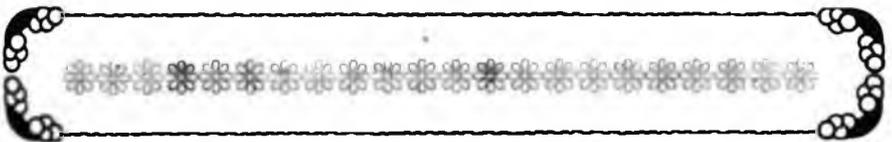
А. Кругловъ.

На Голгоѣ.

Штисовъ.

ПАСХА КРАСНАЯ.

(МИНИАТЮРА.)

ихо. Что-то ласкающее разливалось въ прозрачно-нѣжномъ воздухѣ. Чуть брезжущій свѣтъ едва замѣтно струился въ теплоемъ весеннемъ воздухѣ, робко извиваясь сѣрыми змѣйками между обнаженными деревьями. Вдалекѣ за чернѣющимъ лѣсомъ бѣлѣлъ край неба. Еще немного — и заалѣетъ утренняя заря.

Лѣтъ 60-ти, небольшого роста мужчина, по имени Игнатій Ѡмичъ, неподвижно стоялъ на крылечкѣ своего деревяннаго домика, сосредоточенно глядя передъ собой. Его худощавое, съ бѣлой бородой и живыми глазами, лицо было полно благоговѣйнаго ожиданія. „Воскресенія день, и просвѣтимся торжествомъ...“ — весело раздавалось въ его ушахъ пасхальное пѣснопѣнїе. Это напомнило ему небольшую де-

ревянную церковь, находившуюся въ верстѣ отъ города, въ которой онъ сегодня встрѣтилъ праздникъ Святой Пасхи. Въ его мысляхъ ярко замелькали пылающія свѣчи, радостныя лица, свѣтлыя ризы, придававшія службѣ особенную торжественность и многое другое. Все это утопало въ ликующихъ звукахъ пасхальнаго напѣва. Придя домой, Игнатій Ѡмичъ торжественно произнесъ:

— Христось воскресел!

— Воистину воскресел! — словно эхо радостно отозвалась семья.

И отъ этого Игнатію Ѡмичу стало еще веселѣе.

Разговѣвшись куличомъ и пасхой, семья легла отдохнуть, а Игнатій Ѡмичъ, взявъ пальто и шляпу, вышелъ на крыльцо. Такъ онъ дѣлалъ уже много лѣтъ подь рядъ. И въ семьѣ знали, что онъ любилъ встрѣчать первые лучи восходящаго солнца въ день Святой Пасхи. Вотъ и теперь, какъ всегда, онъ напряженно ожидалъ восхода солнца, устремивъ глаза въ ту сторону, гдѣ уже начинала алѣть утренняя заря. И когда солнце, какъ огненный шаръ, величаво выкатилось изъ-за лѣса, Игнатій Ѡмичъ радостно затрепеталъ и набожно перекрестился. Что-то молодое и свѣжее, какъ ранняя весна, разлилось внутри него и громко запѣло: „Христось воскресел изъ мертвыхъ!“ Тѣ же ликующіе звуки слышались ему въ ярко-красныхъ лучахъ, имѣющихъ, какъ ему казалось, разительное сходство съ „Красной Пасхой“. Все вокругъ пѣло и радостно вторило доносившимся изъ города одинокимъ ударамъ колокола.

— Къ поздней ударяютъ, — промелькнуло въ его мысляхъ, и ему опять вспомнились радостныя лица съ ярко пылающими свѣчами въ рукахъ. Печали не было мѣста. Она растаяла въ сверкающихъ звукахъ радости, какъ таетъ воскъ отъ прикосновенія огня... Именно, „Христось — моя радость“, потому что все въ немъ радостно: и смерть ради жизни и побѣда надъ смертью.

А солнце между тѣмъ поднималось все выше и выше, сверкая брилліантами яркихъ лучей. И отъ того обнаженный лѣсъ казался одѣтымъ въ серебряную парчу, отливающую бирюзой яснаго неба. Любуясь картиной природы и усматривая во всемъ торжествующую красоту, Игнатій Ѡмичъ мысленно восклицалъ:

— Какъ хорошо, что Пасха совпадаетъ съ пробужденіемъ весны! Получается полная гармонія общаго обновленія. И какъ жаль, что такое обновленіе недолго гостить въ человѣкѣ!

Темное облачко на мгновение покрыло его восторженное лицо, и въ то же время предъ нимъ быстро пронеслась вся его невеселая жизнь и такъ же быстро утонула въ ликующихъ звукахъ пасхальнаго звона. Его вдругъ потянуло куда-то, и онъ почти безсознательно бодро зашагалъ по сырой тропинкѣ, ведущей въ лѣсъ. А гудѣвшіе позади колокола словно догоняли его своими мощными звуками и стройно пѣли хвалебную пѣснь Побѣдителю смерти. Передъ его глазами давно уже мелькали обнаженные деревья, а онъ все шелъ и шелъ, размышляя о Богѣ-Человѣкѣ. Его ученіе и жизнь представлялись ему незримыми крыльями, сотканными изъ золотого эфира, на которыхъ душа человѣческая, оторвавшись отъ всего земного, уносится въ таинственный міръ лучезарныхъ сновъ... О, какъ онъ любитъ эти божественные сны! Только въ нихъ, по его мнѣнію, и возможно было освѣжаться духомъ...

Вернувшись обратно, Игнатій Ѳомичъ восторженно оглядывалъ обнаженные деревья, мысленно одѣвая ихъ зеленой листвою и цвѣтами. Ему вдругъ захотѣлось, чтобы все на свѣтѣ сію же минуту расцвѣло и заблестало на солнцѣ.

У-у — протяжно и радостно гудѣли колокола, точно вторя желанію Игнатія Ѳомича. И все кругомъ ликовало, переплетаясь яркими лучами сверкающаго солнца.

Когда онъ возвратился домой, семья уже сидѣла за кипящимъ самоваромъ и, видимо, поджидала его прихода. За чаемъ Игнатій Ѳомичъ съ удовольствіемъ оглядывалъ жену и дѣтей, находя ихъ чрезвычайно веселыми и радостными. Даже слова, звуки, кипящій самоваръ, словомъ, все, на что бы онъ ни взглянулъ, — казалось ему не такимъ, какъ вчера, и таило въ себѣ особенную прелесть... Отъ всего этого въ душѣ разливалось свѣтлое спокойствіе, какъ въ минуту святого умиленія... Хотѣлось, чтобы это ласкающее настроеніе осталось навсегда, на всю жизнь.

Вылѣзая изъ-за стола, Игнатій Ѳомичъ перекрестился, остановивъ свой взоръ на освѣщенномъ лампадой ликѣ Спасителя. Передъ нимъ быстро промелькнула чистая какъ

кристаллъ жизнь Христа и та великая жертва, благодаря которой обновилось человѣчество и будетъ вѣчно обновляться. Въ это мгновеніе Игнатій Ѳомичъ, съ бѣлой какъ снѣгъ бородой и огромной лысиной на головѣ, напоминалъ библейскаго старца съ поднятыми кверху горящими глазами.

Дѣти между тѣмъ уже вылѣзли изъ-за стола и вприпрыжку пустились къ выходной двери. Лѣтъ десяти, бѣлокурая, въ розовомъ платьѣ, дѣвочка зацѣпила ногой за коверъ и едва не упала, сдѣлавъ въ воздухѣ красивый прыжокъ... Это показалось ей забавнымъ, и она громко разсмѣялась... Ея примѣру послѣдовали два подростка-брата въ ярко-пунцовыхъ рубашкахъ. Звонкій какъ серебряный колокольчикъ смѣхъ весело прокатился по комнатамъ и словно птичка выпорхнулъ въ открытое окно. Родители любовно глядѣли на смѣющихся дѣтей и тоже улыбались.

За окномъ, купаясь въ лучахъ солнца, радостно шелкалъ скворецъ, вторя гудѣвшимъ въ отдаленіи колоколамъ. Во всемъ этомъ слышалась молодая звучная весна и ликующая „Пасха Красная!“

Всеволодъ Рязанцевъ.

Свѣтъ отъ Креста.

С. В. Беклемишевъ.

СВѢТЪ И ТЬМА.

Мой юный другъ, больной, несчастный другъ,
Мнѣ такъ близка, мнѣ такъ понятна драма
Твоей души: я самъ извѣдалъ твой недугъ
И Пасху зналъ безъ Бога и безъ храма.

Какъ ты, и я томился въ темнотѣ
Холоднаго и гордаго сомнѣнья
И тщетно мнилъ въ служеньи красотѣ
Найти и жизни смыслъ и тайну примиренья.

Сгущался мракъ, тоска моя росла,—
И мнѣ пустымъ казался мiръ надзвѣздный...
Но чья-то вдругъ рука меня спасла
Въ тотъ мигъ, какъ я висѣлъ надъ бездною.

О, можетъ быть, то матери мольба
Была услышана на небѣ, и незримо
Господь нослалъ изъ рая Сераѿима
Снять слѣпоту съ невѣрнаго раба!

И Онъ крыломъ своимъ меня коснулся,
Слухъ оживилъ напѣвами небесъ,—
И я прозрѣлъ, я какъ отъ сна очнулся,
И Богъ, забытый Богъ. въ душѣ моей воскресъ.

Смирился умъ, и сердце покорилось,
 Повѣяло тепломъ, невѣдомымъ давно...
 И мысль, и трудъ и — все вдругъ свѣтомъ озарилось,
 И стало въ жизни все значенія полно.

И, научась опять по-дѣтски вѣрить,
 Я лишь теперь, прозрѣвъ отъ слѣпоты,
 Могу понять весь ужасъ пустоты
 И радостью былую скорбь измѣрить.

Нѣтъ, не словамъ, мой бѣдный другъ, повѣрь,
 Повѣрь моимъ слезамъ, — ты видишь эти слезы!
 О, пробуди о чистомъ дѣтствѣ грёзы
 И отомкни Отринутому дверь

Души истерзанной, и Онъ войдетъ, коснется
 Твоихъ слѣпыхъ очей, ты узришь свѣтъ небесъ,
 И стихнетъ скорбь, и сердце встрепенется
 Отъ радости, что въ немъ Христосъ воскресъ!

А. Кругловъ.

РАДОСТЬ.

ОЧЕРКЪ.

Посвящаю глубокоуважаемому
о. Евимію Рыбчинскому.

о дѣламъ своего имѣнія я пріѣхала въ концѣ пасхальной недѣли въ большое село при станціи Рытву и остановилась у знакомой старухи, Степаниды Фотиной. Она жила съ дочерью Харіессой. Обѣ вдовы существовали поденнымъ трудомъ и не брезговали вообще никакой работой. Былъ у Степаниды еще сынъ, Савостьянь, но онъ давно спился съ круга и болтался гдѣ-то въ губернскомъ городѣ. Намытая къ великому празднику избушка, чистое убранство, горѣвшая лампадка у образовъ — все это придавало необыкновенный уютъ убогой обстановкѣ горенки. Съ послѣдней чрезвычайно гармонировали симпатичныя фигуры обѣихъ хозяекъ, наряженныя въ новыя ситцевыя шумящія платья.

Харіесса подала на столъ самоваръ, и мы усѣлись пить чай съ привезенными мною куличомъ, пирогомъ и яйцами.

— Вотъ радость-то Богъ послалъ,— замѣтила Степанида, истово помолившись передъ иконою:— свой куличикъ мы вечеръ еще прикончили, думали возблагодарить Господа на ситничкѣ, анъ вмѣсто того, эва чего сколько на столъ разложено! У насъ и въ первые-то дни того не было!

Въ благодушномъ изумленіи старуха развела руками и покачала головой. Морщины на лбу ея разгладились, и все лицо освѣтилось довольною улыбкой.

Это чувство передалось и дочери.

— Въ самомъ дѣлѣ, мамонька, недумано-негадано!

Утомленное лицо Харіессы съ блѣдною обтянутою кожей также отразило внутреннее удовлетвореніе.

Я одѣлила снѣдью добрыхъ женщинъ, и мы принялись пить чай.

— Вотъ такъ-то, помню, при покойномъ тятенькѣ было,— промолвила Харіесса:— въ праздники полонъ столъ напечено у насъ всего, да наварено.

— Мы жили исправно,— подтвердила Степанида, — и мужъ у меня былъ угостительный.. Любилъ потчевать.

Женщины наперебой вспоминали прошлое, останавливаясь на однѣхъ свѣтлыхъ картинахъ. Разговоръ безъ особенной послѣдовательности возвращался къ настоящему, потомъ снова удалялся въ прошлое. Подвигая мнѣ кринку молока, Степанида сообщила радостно:

— А Буренка-то наша вѣдь перестала хромать.

— А-а-а,— протянула я безразлично.

— Какъ же, какъ же!— весело подхватила Харіесса.

Я понимала, что для бѣдныхъ вдовъ это былъ вопросъ большой важности.

Старуха пустилась въ подробныя объясненія причины хромоты Буренки.

Утоляя голодь, я отзывалась изрѣдка лишь для приличія короткими словами сочувствія.

— Не оставляетъ насъ Создатель своими милостями,— продолжала старуха, не замѣчая моего нѣкотораго равнодушія.— Взять хоть бы мою болѣсть,—говорила она, прихлебывая съ блюдечка горячій чай,— въ началѣ поста разломилло мнѣ всю спинушку... То-ль я простыла, то-ль — съ

глазу... Знаешь, вѣдь, что тутъ у насъ самая работа: гдѣ стирка, гдѣ мытье избы, гдѣ какая приборка, чистка и все такое прочее!.. У Лопатиныхъ такъ съ первой недѣли поста кутерьма поднимается, потому домъ большой и всякаго обзаведенья много... Я и такъ, я и сякъ... Нѣтъ мнѣ вздыху, хоть волкомъ вой... А спинѣ день ото дня хуже... хоть и вовсе ложись, да помирай! Ну, что жъ я сдѣлала, какъ бы ты подумала?

Меня это заинтересовало, и я спросила уже другимъ тономъ:

— Что?

— А вотъ что, сударыня моя милая,—продолжала бабка:— пала я передъ Миколой Чудотворцемъ — эвона висить, маленькій образочекъ въ уголку подъ вербиной,—земно поклонилась батюшкѣ милосливому и стала просить его: ослобони меня, грѣшную, на великъ постъ! Самъ знаешь, какая тутъ у насъ работа: припасти всего надо къ свѣтлому праздничку Христову. Угодничекъ Божий,—говорю ему,— не лиши меня радости!.. Не подумай, что я отъ тяготы отказываюсь: всей душой готова понести хворьбу, только въ другое время. Прошу его, а сама такъ слезами и заливаюсь... А онъ и пожалѣлъ меня: наутро же стало мнѣ легче, а тамъ болѣсть и вовсе прошла. Такъ-то я весь постъ и помогала дочкѣ въ работѣ... Какъ тутъ не радоваться!

— А теперь какъ себя чувствуешь?—спросила я.

— Ничего... кольнуло въ спину-то... приступаетъ болѣсть, вижу... Да теперь-то хоть бы что, для души потрудиться я не отказывалась. Мы со всѣмъ дѣломъ управились, поговѣли и праздничекъ встрѣтили въ церкви, какъ есть по православному. А вчера и батюшку со славой на дому принимали... Успокоилась и насладились моя душенька.

— То-то ты такая радостная и смотрѣть-то на тебя весело.

— А и слава Те, Христе, повеселись вчужѣ. Радости у насъ всѣхъ мало, а горя хоть отбавляй у каждого.

Мы кончили пить чай, и Харіесса принялась мыть посуду.

Мнѣ надо было сходить къ лѣсопромышленнику Лопатину.

— Сумрачный человѣкъ,—замѣтила Степанида, — и душа-то у него осенняя, безпросвѣтная.

— И съ чего бы кажется?— вмѣшалась Харіесса.— И богатъ-то онъ, и здоровъ, и дѣти-то всѣ хорошія, въ люди выведены и на дорогу поставлены. Не знать, чего еще не хватаетъ человѣку.

Она пожала плечами и понесла пустой самоваръ.

Я отправилась къ Лопатину. Двухъэтажный большой домъ его былъ самымъ лучшимъ въ селѣ. Несмотря на прекрасное убранство внутри, отъ него вѣяло какимъ-то холодомъ.

Меня ввели въ залъ, гдѣ хозяйская семья сидѣла за праздничнымъ угощеніемъ. Столъ ломился отъ всякихъ яствъ. Словно здѣсь ждали гостей. Меня стали потчевать, но я отказалась. Тутъ не было весело и къ ѣдѣ не располагало. Всѣхъ подавлялъ суровый видъ хозяина. Разговоры дѣтей взрослые тотчасъ же останавливали. Невольно чувствовалось не по себѣ. Я вспомнила мѣткое опредѣленіе Степаниды: „и душа-то у него осенняя“. То веселое и радостное настроеніе, которое сообщилося мнѣ въ бѣдной хибаркѣ вдовы, здѣсь сразу улетучилось. Тяжелая атмосфера заражала.

Когда мы перешли въ контору Лопатина и заговорили о дѣлѣ, то хозяинъ старался прижать меня цѣной на продаваемый ему лѣсъ. Онъ торговался долго, тягуче, выматывая душу... Деревенская кляча скорѣе довезла бы домой тяжелый возъ въ осеннюю распутицу, чѣмъ мы съ Лопатинымъ дошли наконецъ до цѣли.

Я вернулась въ хибарку нравственно усталая и физически разбитая.

Въ избушкѣ раздавался смѣхъ.

У притолки стоялъ знакомый мнѣ мужикъ — Иванъ Зыкинъ, и трунилъ надъ Степанидой.

— Вотъ, говорю ей, барыня: умереть вѣдь скоро, старая.

— Правду истинную говоришь: умру, батюшка, скоро умру. Благодареніе Господу Богу, что до шестого десятка дожила. Все Онъ, Милостивый, грѣхамъ моимъ терпѣлъ! Дай Богъ каждому такъ-то.

Она говорила это безъ тѣни обиды, и лицо ея продолжало свѣтиться радостью.

— Ужъ будто и правда, что рада смерти?..—недовѣрчиво произнесъ мужикъ.— Впрочемъ,— прибавилъ онъ,— отъ такого сына, какъ Савоська, захочешь поскорѣе умереть! Не

слыхала: говорятъ, что онъ зарѣзалъ и ограбилъ купца, а когда схватили его, то онъ удавился.

Эта была грубая шутка, перешедшая всякій предѣлъ.

Меня поразило столь наглое издѣвательство Ивана надъ чувствомъ матери.

Я вскинулась на него:

— Что ты говоришь? какъ тебѣ не стыдно?

Иванъ разразился пьянымъ смѣхомъ.

Я ожидала, что Степанида выгонитъ его. Она вздохнула, и лицо ея затуманилось. Но черезъ секунду старуха уже подняла на сосѣда глаза, засвѣтившіеся радостью:

— Богъ хранить его, бабушка! Не сдѣлаетъ онъ этого!

— Аль умолила Бога?

— Велика ли моя молитва? Я докучаю ангелу-хранителю убережъ сынка моего милаго. А тотъ уже Бога просить... Правда, говорилъ Савося, что добромъ не кончить... Грѣхъ-то вѣдь силенъ... Охъ, какъ силенъ! А человекъ слабъ... Ну, да защита у насъ крѣпкая! Ничего-то съ нею не боязно, никакого зла.

— Хитра же ты, бабука, и увертлива, не столкуешь съ тобой!

Зыкинъ махнулъ рукой, кивнулъ головою въ знакъ прощанія и удалился.

Я выразила удивленіе на терпѣніе старухи.

— Онъ хотѣлъ разсердить маменьку,— сказала Хариесса.

— Зачѣмъ я буду на правду сердиться,— отозвалась Степанида.— Извѣстно, трезвый не сказалъ бы этого.

Если бы я не знала старухи, то могла бы подумать, что она невозмутима по природѣ. Но я встрѣчала ее и въ горькихъ слезахъ, и въ гнѣвѣ, и въ отчаяніи. Сегодня же она была лишь въ устойчивомъ радостномъ настроеніи.

Прибѣжала дѣвочка, племянница старухи, въ красномъ новомъ сарафанѣ, съ такой же ленточкой въ тонкой косичкѣ и что-то быстро-быстро затараторила.

— Охъ, ты моя ластушка, да какая же ты пригожая сегодня, да нарядная! — привѣтствовала ее Степанида. — Глянь-кось, барыня, какой добротный ситець-то у нея на обновѣ.

Я попробовала. Онъ былъ обыкновенный,— такъ же, какъ и сама Дуня.

Старуха стала хвалить также и ленточку и башмаки.

Дѣвочка расцвѣла довольною улыбкой и обняла тетку за шею.

Глядя на нихъ, у меня снова просвѣтлѣло на душѣ. Почему-то и я стала раздѣлять вкусъ старухи и тоже похвалила Дуню. Степанида сообщала окружающимъ свое настроеніе.

— Скажи маманькѣ-то, что моя Буренка перестала хромать, — промолвила старуха!

— Неужто? — обрадованно воскликнула Дуня.

Онѣ остановились на этой темѣ, интересной для обѣихъ, втянули и меня въ разговоръ и заставили радоваться вмѣстѣ съ собою выздоровленію Буренки.

Я не замѣтила, какъ пролетѣло время. Настала пора мнѣ отправляться къ поѣзду.

Харіесса подхватила мой чемоданчикъ. Бабка съ Дуней вышли на крыльцо проводить меня, хотя въ спину старухи вновь вступило. Все же она выползла за дверь, держась по стѣночкѣ.

— Экое солнышко-то радостное, ѣхать тебѣ будетъ весело! — произнесла Степанида, прощаясь съ мною.

Я подошла къ станціи одновременно съ поѣздомъ, въ которомъ успѣшила занять мѣсто.

Въ вагонѣ настроеніе мое измѣнилось. Я пришла въ нормальное будничное равновѣсіе. Теперь я удивлялась, почему я могла радоваться выздоровленію Буренки и Дуниной обновкѣ? Какое мнѣ было дѣло до той и другой?.. Какъ это вышло неожиданно и странно для меня самой!

Я задумалась, отчего бы это могло произойти?

И мнѣ стала выясняться постепенно причина этого явленія: всѣ мы ведемъ эгоистическую жизнь, лишь изрѣдка удѣляя вниманіе ближнему. Но вотъ случается намъ выйти изъ этого замкнутого состоянія. Въ растворившуюся дверцу нашего сердца легко входятъ интересы ближнихъ. Они становятся доступны нашему пониманію, какъ свои собственные. Вотъ въ эти-то короткіе и рѣдкіе моменты мы и поднимаемся на ту высоту христіанскаго пониманія и любви, на которой стоятъ избранники, отчего они такъ и чутки всегда къ горю и радости ближнихъ. Но дверка нашего сердца скоро захлопывается, и мы становимся опять глухи къ окружающему. Отъ внѣшняго міра мы замыкаемся въ

броню какого-то, окаменѣлаго, безчувствія, изъ котораго не можемъ выйти даже при всемъ своемъ желаніи. Ключъ къ этой дверкѣ — христіанская любовь къ ближнему. Отдѣльные теперь огоньки при такой любви превратятся въ непрерывную огнистую цѣпь, освѣщающую весь жизненный путь каждаго христіанина.

Анна Догановичъ.

А. А. Коринфскій.

ЛЕПЕСТКИ ЖИЗНИ.

1.

Сонъ иль явь моя жизнь—не пойму;
Если сонъ, то и сонъ-то какой-то угарный,
Если явь — не постигнуть уму
Этой яви кошмарной!..

Только сердце ее и пойметъ,
 Только сердце одно — что живой обливается кровью,
 Рвется къ солнцу изъ тьмы, мглу страстей озаряетъ любовью
 И чего-то все ждетъ...

А чего ему ждатель?! Съ каждымъ днемъ мнѣ все больше
 сдается,

Что слабѣетъ безумный его перебой;
 И не знаю я только — замреть ли оно, побѣжденное мглой,
 Проблескъ счастья ль завидѣвъ — отъ муки оно разорвется...

II.

Счастливецъ тотъ, кто можетъ обвинять
 Другихъ людей за всѣ свои страданья;
 Кто можетъ въ ихъ поступкахъ увидеть
 Хоть тѣнь своимъ безумствамъ оправданья!
 Но тяжело жить, но страшно жить тому
 Кто искренно не можетъ никому
 Сказать, сводя послѣдніе итоги:
 „Ты — виновать! Ты — всталъ мнѣ на дорогѣ!..“

III.

Куда-то рвусь... Куда? Зачѣмъ?!
 Порой и самъ понять не въ силахъ;
 Предъ сердцемъ—разумъ глухъ и нѣмъ,
 Грезъ не унять мнѣ легкокрылыхъ!..
 Вспорхнуть, взвѣются, полетять,
 Условность жизни бьютъ ихъ крылья;
 Все—мимо: прахъ земныхъ преградъ
 И трезвыхъ помысловъ усилья..
 Отдашься имъ—и словно нѣтъ
 Ни стѣнь, ни безднъ передъ тобою,
 Какъ-будто вольныхъ чувствъ расцвѣтъ
 Сжился навѣкъ съ твоей мечтою..
 О, грезы-птицы! Васъ ничѣмъ
 Не замѣнить мнѣ въ эти годы;
 Но—провозвѣстницы свободы —
 Свобода ваша мнѣ зачѣмъ?!

IV.

О, Боже мой! Если бь однимъ пламенѣла
Огнемъ нераздѣльнымъ жизнь духа и тѣла,
Какъ были бь могучи и счастливы люди,
Какъ вольно дышалось бы пламенной груди!..
Живъ духъ мой, давно бь онъ разстался съ цѣпями,
Да сковано мертвое тѣло страстями;
Влечетъ меня духъ къ небесамъ вдохновенья,
А тѣло—подводитъ лишь къ безднамъ паденья.
И въ двойственной этой мучительной роли
Не вижу я въ жизни ни счастья, ни воли;
Нѣтъ силъ примирить мнѣ жизнь духа и тѣла...
Ужель ихъ борьбѣ роковой нѣтъ предѣла?!

А. Коринфскій.

ПОДВѢЧНОЕ ПЛАТЬЕ.

РАЗСКАЗЪ.

овосильцевы уѣзжали изъ города, уѣзжали „совсѣмъ“ и очень далеко. Они продали всю обстановку и даже рѣшились распрощаться съ нѣкоторыми изъ своихъ objets d'art, цѣнными во многихъ отношеніяхъ. Кое-что раздали, потому что трудно было найти покупателей.

Среди рѣдкихъ картинъ и гравюръ, украшавшихъ ихъ комнаты, былъ одинъ портретъ, и по странной случайности попалъ онъ совсѣмъ въ чужія руки: онъ достался мнѣ.

Это не былъ „фамилійный“ портретъ, и имъ не дорожили.

— Невѣста какого-то прадѣда!..— сказали мнѣ. На немъ была изображена молодая дѣвушка въ кисейномъ платьѣ, съ вѣнкомъ изъ васильковъ на волосахъ, причесанныхъ гладко, по-старинному. Лицо совсѣмъ простое, не особенно красивое; но голубые глаза и чарующая улыбка неправильнаго рта дѣлали его необыкновенно привлекательнымъ. Тонкая кисть изящно вырисовала всѣ складочки ея одежды, а этотъ

вѣнокъ на головѣ былъ какъ живой, — простой вѣночекъ, какіе плели мы въ юности, сидя надъ желтымъ моремъ золотистой ржи, прислушиваясь къ немолчному треску кузнечиковъ, иногда уже и не замѣчая его, уносясь далеко-далеко, на крыльяхъ мечты или... жадно ловя дорогія слова любимаго, близкаго человѣка...

Портретъ дышалъ наивной идилліей. Въ углу его, гдѣ-то среди прозрачной листвы, вьющейся по балюстрадѣ зелени, стояло: 11 Іюля 1850 г., и имя извѣстнаго акварелиста того времени.

Молодую дѣвушку звали Ольга Веселовская, и вмѣстѣ съ ея портретомъ мнѣ передали ея трогательную повѣсть.

Ольга была единственной дочерью богатыхъ родителей. Отецъ — русскій баринъ, мать — французженка, нашедшая себѣ пріютъ въ Россіи, обѣднѣвшая аристократка, выброшенная революціонной волной на чуждый берегъ бушующаго моря. Она не могла забыть дорогую Францію, и, когда настали мирныя времена, Всеволодъ Ивановичъ Веселовскій, обожавшій свою красавицу-жену, повезъ ее въ Парижъ, гдѣ рѣшилъ прожить не меньше года. Здѣсь и родилась Оля, хрупкій ребенокъ, связавшій еще прочнѣе Веселовскихъ.

Все дѣтство Оли протекло въ переѣздахъ изъ Россіи за границу и обратно, и первое время она почти не понимала русской рѣчи. Когда же пришлось прочно засѣсть въ Москвѣ, гдѣ Веселовскій занялъ видный служебный постъ, надо было заняться воспитаніемъ дѣвочки. Мать ея понемногу превращалась въ московскую барыню, добродушную, умную и радушную хозяйку. Шли годы, и Ольга изъ французженки также передѣлывалась въ русскую барышню, богатую невѣсту. Юная, худенькая дѣвушка съ довѣрчиво смотрѣвшими синими глазами, ласковой, простодушной улыбкой, привязчивая и скромная, — она была очаровательна.

Когда началась для нея сознательная жизнь, она поняла (да и окружающіе видѣли), что русской крови въ ней больше, чѣмъ французской. Она любила лѣтомъ въ имѣніи водить хороводы, ѣздить съ отцомъ на сѣнокосы, слушать деревенскія пѣсни, дружитья со сверстницами-крестьянками. Скоро

и акцентъ, остатокъ пребыванія за границей, вліянія матери и гувернантокъ, сгладился у нея окончательно.

Ей минуло 17 лѣтъ, и ее повезли на балъ, гдѣ она страшно скучала.

— Надо заказать съ Оленьки портретъ!—говорилъ боготворившій ее отецъ.

— Да!.. И непременно — въ бальномъ туалетѣ! — добавила м-me Веселовская, любившая роскошь и эффектныя позы.

Ольгу одѣли въ какое-то пышное розовое платье, парикмахеръ соорудилъ ей необыкновенную прическу. Худенькое робкое личико тонуло въ букляхъ и цвѣтахъ, а стройная, дѣвственная фигурка ея терялась въ буфахъ и оборкахъ тяжелаго выѣздного туалета „перваго бала“...

Терпѣливо позировала Ольга; но, когда портретъ былъ оконченъ, ей больно стало отъ этой фальши, отъ этой выставки напоказъ невзрачной, разряженной дѣвушки...

„Une demoiselle à marier!..“ подумала она тогда.

Отецъ понялъ, какъ неумѣстно было писать съ нея портретъ въ необычной обстановкѣ.

— Нѣтъ, Оля не такая,—рѣшилъ онъ,—она простая, настоящая!.. А это... это—чужая, не моя Олюшка! Какая-то поддѣльная!

М-me Веселовская въ душѣ соглашалась, хотя сразу не хотѣла уступить.

— Этотъ портретъ очень хорошъ!.. А если желаешь, можно попробовать еще... въ другомъ видѣ.

И Ольгу написали акварелью, въ миломъ простомъ платьѣ съ узкими рукавами, обшитыми незатѣйливыми кружевами, черезъ которыя просвѣчивали худенькія ручки. Волосы были гладко причесаны и, по ея настоянію, украшены вѣнкомъ изъ живыхъ васильковъ, — ихъ такъ искусно плела ея горничная и подруга дѣтства, Стеша. Она стояла на террасѣ стариннаго деревенскаго дома Веселовскихъ, обвитой хмелемъ, и радостно, простодушно смотрѣла на міръ Божій...

— Вотъ это — наша Олюшка!—воскликнулъ Веселовскій, когда ему показали оконченный портретъ.

Онъ щедро заплатилъ за него выписанному изъ Москвы художнику и повѣсилъ у себя въ кабинетѣ.

— Я съ нимъ не разстанусь... и подарю его только твоему жениху!..

Стояла зима. Москва веселилась, Веселовскіе устраивали вечера съ танцами, ѣздили въ театрѣ. Ольга брала уроки музыки, выпивала въ пяльцахъ и задумывалась надъ вопросомъ: не готовится ли въ ея жизни что-нибудь новое? Это что-то захватывало ея сердце неопредѣленной, таинственной волной, сулившей счастье...

Поводомъ къ этимъ размышленіямъ послужила встрѣча въ театрѣ съ молодымъ человѣкомъ, показавшимся ей не такимъ, какихъ до того времени она встрѣчала въ обществѣ. Неопытной и довѣрчивой дѣвушкѣ онъ представлялся выше другихъ, потому что смотрѣлъ на все такъ серьезно, вдумчиво и пристально, точно хотѣлъ въ чемъ-то убѣдить, сказать что-то новое, неизвѣстное.

Въ антрактѣ онъ вошелъ въ ихъ ложу.

— Андрей Владиміровичъ Новосильцевъ, нашъ новый сосѣдь по Некрасовкѣ, — сказалъ ей отецъ.

— Некрасовка!.. — воскликнула дочь. — Вы будете жить недалеко отъ насъ? Вы знаете нашу Некрасовку?.. Правда, тамъ хорошо?..

— Лѣтомъ — да... Тамъ отдыхаешь!..

— Да, да!.. Тамъ такъ легко дышится!..

— А здѣсь? — сказалъ онъ и пристально посмотрѣлъ въ заблестѣвшіе синіе глаза Оли. — Развѣ вы не любите города? Не любите Москвы, этого настоящаго русскаго гнѣзда, откуда вылетѣлъ не одинъ орелъ русской славы и силы?..

Ольга смолкла подъ впечатлѣніемъ его рѣчи. Онъ такъ красиво говорилъ! Она заслушалась въ изумленіи. Это именно была совсѣмъ новая форма, въ которую выливались новыя мысли; онъ были просты и обыкновенны, а ей казались какимъ-то откровеніемъ. Въ гостиной ея матери такъ не говорили.

— Москва!.. — продолжалъ онъ. — Здѣсь настоящая русская жизнь! Для настоящаго русскаго человѣка Москва...

Онъ вдругъ остановился. Ему почему-то вспомнилось, что недавно онъ узналъ о полуфранцузскомъ происхожденіи этой дѣвушки. Что же съ ней говорить о „русскомъ“? Пойметъ ли она?

Онъ перешелъ на избитыя темы и увидалъ ея грустное лицо; оживленіе исчезло, чуткая Ольга сразу поняла, что ее считаютъ полурусской.

— Мама французенка... Это правда... Но я... я тоже люблю Россію, мою вторую родину! Что изъ того, что я родилась въ Парижѣ? Я смутно помню его... Мы не разъ ѣздили туда и потомъ, когда я была маленькая!.. Помню эти наши переѣзды, помню шумный городъ... Но мы поселились здѣсь навсегда... и я такъ счастлива!.. Мама любить выѣзды, роскошь, наряды... А я... совсѣмъ не въ нее вышла!.. Я — простая, деревенская... И люблю нашу милую Некрасовку!..

Они разговорились. Новосильцевъ уже видѣлъ въ ней родственную ему душу, но не во всемъ соглашался съ нею. Онъ былъ горожанинъ, бывалъ лишь лѣтомъ въ деревнѣ. Возражая ей, защищая свои мнѣнія, онъ любовался ея оживленіемъ, ея безхитростнымъ образомъ мыслей, полудѣтской застѣнчивостью и неумѣньемъ спорить.

Съ своей стороны онъ заинтересовалъ неопытную дѣвушку, которая въ концѣ вечера освоилась и взяла съ нимъ вѣрный тонъ.

Этотъ вечеръ сблизилъ ихъ, несмотря на разницу ихъ лѣтъ, воспитанія и взглядовъ.

Скоро въ людскихъ московскаго дома Веселовскихъ зашумукались про „жениха барышни“... Потомъ заговорили и въ „свѣтѣ“...

Посторонніе нерѣдко являются лучшими предсказателями выдающихся событій въ жизни людей, еще не подозревающихъ о нихъ.

Новосильцевъ былъ гораздо старше Ольги; онъ уже пожилъ и достаточно порастратилъ свои душевныя силы. Видѣлъ и зналъ онъ много, но его какъ-то сразу захватила чарующая, наивная чистота „дѣвочки“, и онъ дѣйствительно полюбилъ ее. Ему нравились ея лучистые глаза, ея застѣнчивость. А она? Новосильцевъ былъ первый интересный человѣкъ, какого она встрѣтила, но она боялась думать о рѣшительномъ шагѣ, она была отъ него такъ далека.

Въ старину свадьбы устраивались очень просто, нерѣдко черезъ свахъ; но Веселовскій, дрожавшій за свою единственную дочь, постарался хорошенько разузнать, что за человѣкъ былъ Новосильцевъ, такъ явно ухаживающій за нею.

Репутация его оказалась безукоризненной.

Это было въ концѣ „сезона“. Балы и выѣзды прекратились. Многіе собирались въ свои имѣнія.

Оля мечтала, какъ въ Некрасовкѣ, при другой обстановкѣ, она будетъ встрѣчаться съ любимымъ человѣкомъ. Не станутъ смотрѣть на нихъ любопытные, праздные, а иногда и завистливые люди большого города; не надо будетъ вычурныхъ нарядовъ, такъ стѣснявшихъ ее и которые къ ней не шли, какъ думала она.

Наступило лѣто. Веселовскіе жили въ Некрасовкѣ, Новосильцевъ — въ пяти верстахъ отъ нихъ. Въ поддевкѣ на бѣговыхъ дрожкахъ или верхомъ ѣздилъ онъ почти каждый день и скоро сталъ у нихъ совсѣмъ своимъ человѣкомъ.

Но предложенія онъ еще не дѣлалъ.

Ольгѣ казалось, что между ними давно все рѣшено. Наконецъ было сказано это послѣднее, важное слово, и отъ нея потребовалось рѣшить, счастлива ли она будетъ и дастъ ли ему счастье?

„Да, да, конечно! Я люблю его!.. давно, давно!.. тогда еще... зимой, въ Москвѣ!..“—мысленно воскликнула она и приблизительно въ этихъ словахъ отвѣтила ему.

— Счастье!.. вотъ оно!.. Настоящее, чистое счастье!—прошепталъ Новосильцевъ и обнялъ свою невѣсту.

Вся его жизнь какъ бурный потокъ встрѣтила ласкающее, мирное русло. Все, что было грязнаго, наноснаго, осталось гдѣ-то далеко, по ту сторону, и тихое счастье уже грезилось ему.

Свадьба была назначена въ началѣ зимы, когда переѣдутъ въ Москву. Такъ хотѣли родители невѣсты.

— Надо приданое, обстановку!.. — говорили они.

Стали все готовить, устраивать, заказывать, а влюбленные ничѣмъ этимъ нисколько не интересовались.

— Пусть дѣлаютъ, какъ хотятъ,— смѣялась Ольга,— а мы съ тобою будемъ строить свои планы, и время пройдетъ незамѣтно!

Въ театрѣ среди шумной толпы они думали, что одни въ цѣломъ свѣтѣ, потому что никого и ничего не замѣчали.

Ольгѣ нанесли туалетовъ, накупили брилліантовъ, готовили роскошное бѣлье.

Приближался день свадьбы, и она уже примѣряла вѣнчальное платье, сметанное и сколотое булавками.

Портниха ползала около нея, оправляя шлейфъ, приметывая отдѣлки, и твердила:

— Только примѣрить!.. Надѣвать вѣнчальное платье до свадьбы нельзя!.. Надо все уладить!.. Принесу въ день свадьбы!.. Не беспокойтесь!..

— Почему же нельзя надѣть его уже готовымъ?

— Нельзя, нельзя!.. Примѣта!..

И Стеша говорила тоже, что вѣнчальное платье не надѣваютъ загодя.

Ольгѣ было и смѣшно и весело, хотѣлось подразнить Стешу и портниху:

— Непремѣнно надѣну! Какіе пустяки! — говорила она.

Портниха приходила въ неподдѣльный ужасъ.

Платье принесли, однако, за три дня до свадьбы.

— Я хочу примѣрить!

— Да нельзя же, барышня!..

И весь этотъ пышный нарядъ, единственный изъ богатаго приданого, привлекалъ молодую дѣвушку своей новизной, своимъ необычнымъ обаяніемъ, этимъ напоминаніемъ о чемъ-то торжественномъ и о томъ счастьѣ, къ которому неслась ея душа.

Но вся эта бѣлоснѣжная масса тюля, цвѣтовъ и шелку была унесена и заперта въ гардеробъ, въ мрачной кладовой стариннаго дома Веселовскихъ.

— Стеша, принеси его!..

— Что, барышня? Что вамъ принести?

— Подвѣчное платье! Я такъ хочу его надѣть! Посмотрѣть!.. Ахъ, Стеша! Ты не понимаешь!.. вѣдь потомъ я уже не увижу его! Тогда... вѣдь не до того мнѣ будетъ! Я ничего, кажется, и сознавать не буду!.. А сегодня... я еще владѣю собой, сознаю, что кругомъ дѣлается!.. Принеси же... чтобы никто не увидалъ!..

— Барышня, золотая! Примѣта плохая, говорятъ старые люди! Какъ бы не вышло чего! Слыхала я, что и свадьбы разстраивались...

— Глупая!.. Моя не разстроится!

И Стеша не устояла. Ольга примѣряла свое подвѣчное платье, принесенное изъ кладовой, потихоньку отъ барыни.

Невѣста захворала. Она простудилась, надѣвъ холодное платье, принесенное изъ кладовой.

Наступилъ день, назначенный для вѣнчанія, но о немъ уже и не думали.

Болѣзнь горла, называемая дифтеритомъ, которая теперь рѣдко уже оканчивается смертью, въ то время совсѣмъ не умѣли лѣчить.

Не сумѣли вырвать у смерти и счастливую невѣсту Новосильцева.

Съ тѣхъ поръ прошло немало лѣтъ. Со смертью Ольги убитые горемъ Веселовскіе какъ-то сразу почувствовали себя одинокими.

Жизнь въ старомъ московскомъ домѣ замерла, множество слугъ слонялось безъ дѣла, и никому не приходило въ голову ихъ распустить или дать какую-нибудь работу въ деревнѣ.

Лѣтъ черезъ десять умерли и старики Веселовскіе; древній родъ прекратился, и ихъ имѣніе, уже значительно разстроенное и запущенное, перешло къ какимъ-то дальнимъ родственникамъ.

На одномъ изъ старыхъ московскихъ кладбищъ въ то время, когда еще ихъ не украшали цвѣтами, роскошными памятниками и изящными оградами, какъ въ наше время, обращала на себя вниманіе богатая часовня - навѣсь надъ мраморнымъ памятникомъ, изображавшимъ ангела съ грустнымъ лицомъ. Всѣ, знавшіе Ольгу Веселовскую, увѣряли, что оно напоминало черты ея лица.

Статуя была привезена изъ Италіи и стоила огромныхъ денегъ. Рассказывали, что все роскошное приданое молодой дѣвушкѣ, умершей отъ подвѣчнаго платья, всѣ ея брилліанты и серебро обращено было въ деньги, на которыя былъ поставленъ этотъ чудный памятникъ. Онъ стоитъ и теперь и охраняется отъ разрушенія благодаря большому взносу въ контору кладбища, строгому за нимъ надзору и

поддержкѣ. Его показываютъ любителямъ старины какъ образецъ дивной работы итальянскаго мастера, но исторіи 18-лѣтней Ольги Веселовской никто уже не помнить.

Про Новосильцева рассказывали, что онъ умеръ одинокимъ холостякомъ, и никто не узналъ бы въ немъ когда-то блестящаго свѣтскаго bon vivant'a. Любовь къ Ольгѣ переродила его, избалованнаго жизнью и роскошью. Онъ былъ побѣжденъ маленькой волшебницей въ вѣнкѣ изъ васильковъ. Такой всегда вспоминалъ онъ свою Олю, портретъ которой былъ ему подаренъ въ день его помолвки.

Л. Коцевольская.

4

Раннимъ утромъ, въ весеннемъ лѣсу
 Прохожу я тропинкой глухой:
 Я съ вѣтвей отряхаю росу,
 Упиваюсь прохладой лѣсной...
 Нѣжный шелестъ березъ въ тишинѣ...
 Дятла стукъ — далеко... далеко...
 И безъ радости радостно мнѣ,
 И безъ счастья сердцу легко!

Ф. Черновъ.

СТЕПЬ.

(Изъ посмертныхъ стихотвореній.)

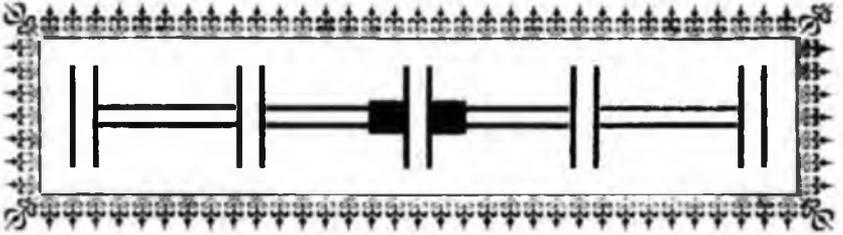
Роскошна ты, степь, и весною, и лѣтомъ
Въ своемъ безграничномъ раздольѣ,
И ноченькой темной, и яснымъ разсвѣтомъ —
Ты вся и покой и приволье...
Заблещетъ ли солнышко—жизнью могучей
Кипишь ты весь день; не смолкая,
Снуетъ надъ тобой голосистою тучей
Крылатыхъ дѣтей твоихъ стая;
Въ травѣ заливаётся бойкій кузнечикъ,
Пчелиное слышно жужжанье,
Несется съ проросшихъ и тинистыхъ рѣчекъ
Утиныхъ семей полосканье.
И зорко уставивши хищное око
На это поживы обилье,
Чуть видною точкою беркутъ высоко
Виситъ, распластавъ свои крылья...
А лѣтнею ночью, когда, замирая,
Смолкаетъ дневная тревога,
Ты смотришь святою картиною рая,
Ты дышишь присутствіемъ Бога.

.....
.....

Вертясь колесомъ, пролетаютъ безъ шума
Ночныя мохнатыя птицы;
Вонь движется туча, что тяжкая дума...
Дрожать и мигаютъ зарницы...
Вотъ первыя капли дожда прошумѣли,
Гудятъ громовые удары...
Но вѣтеръ подулъ, облака пролетѣли,
И вновь золотые стожары
Горятъ надъ землею сянiемъ чуднымъ;
Въ затишьѣ вся даль потонула,
И слышишь, и видишь, что сномъ непробуднымъ
До утра природа уснула...
... Но, степь, непривѣтна ты въ зимнюю пору,
Покрытая саваномъ бѣлымъ...
Забился овражекъ въ глубокую нору,
Полетомъ могучимъ и смѣлымъ
Не носится ястребъ надъ гладью пустыни,
Умчались птицы далеко;
Намекъ на бывшее—верхушки полыни
Надъ снѣгомъ торчатъ одиноко...
И мутное небо, и снѣжное море
Глядятъ другъ на друга уныло...
Въ величii дикомъ царить на просторѣ
Зимы всегубящая сила!..

Н. Симборскій.

РУССКІЙ ВРАЧЪ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Едва ли найдутся спеціалисты, которыхъ бы обвиняли такъ же часто, какъ врачей. Насъ укоряютъ и въ стремленіи къ наживѣ и въ неподаніи медицинской помощи, не замѣчая, что оба обвиненія часто противоположны до несовмѣстимости. Стремленіе къ наживѣ свободно разрѣшается рѣшительно всѣмъ кромѣ врача; забываютъ, что онъ такой же человѣкъ, которому, какъ и всѣмъ, необходимо скопить деньги на старость и болѣзнь; онъ обязанъ заботиться о семьѣ и пр. Вѣдь

Ученымъ можешь ты не быть,
А человѣкомъ быть обязанъ.

Почему именно врачамъ ставится въ преступленіе забота о наживѣ, объ этомъ я скажу ниже, а теперь установлюсь на обвиненіи въ неподаніи медицинскаго пособія. Я совѣтовалъ бы судѣ спросить обвинителя, по какимъ улицамъ онъ шелъ, будто бы напрасно разыскивая врача? Тогда стало бы яснымъ, что онъ прошел мимо многихъ богатыхъ и знаменитыхъ врачей, не рискуя позвонить въ ихъ парадные подъѣзды, прежде чѣмъ наконецъ натолкнется на какого-нибудь только что кончившаго студента, гдѣ нѣтъ риска налетѣть на солидную протекцію или здороваго лакея. Замѣйте, что никогда не обвиняли въ неподаніи помощи ни одного крупнаго практиканта,—этимъ объясняется все. Однако, чтобы рѣшить вопросъ о значеніи врачей, ихъ общественной цѣнности, лучше всего обратиться къ безапелляционному судѣ—къ художественной литературѣ, этому отраженію жизни; приговоръ ея обязательенъ для всѣхъ. Вотъ мы и посмотримъ, что говоритъ наша литература о нашихъ врачахъ, оставиваясь конечно не на всѣхъ ея произведеніяхъ, а только

на тѣхъ, которыя въ моихъ глазахъ наиболѣе важны и наименѣе извѣстны. При этомъ мы натолкнемся на весьма интересный фактъ, увидимъ, что литература отражаетъ всю исторію нашей науки, если не въ подробностяхъ, то все же въ весьма яркихъ и типическихъ чертахъ, по которымъ легко отличить соответствующую эпоху. Такимъ образомъ эта статья представитъ страничку изъ исторіи отечественной медицины, небольшую, но небезынтересную и поучительную, хотя бы потому, что медицина и жизнь, наука и общество тѣсно связаны другъ съ другомъ.

Изъ произведеній, говорящихъ о древнѣйшемъ періодѣ нашего искусства, мы укажемъ прежде всего на романъ Лажечникова «Басурманъ», вѣроятно извѣстный большинству. Здѣсь идетъ рѣчь о врачѣ-иностранцѣ, служащемъ въ Россіи и ставшемъ жертвою суевѣрія тогдашней, если можно такъ выразиться, публики.

Тутъ мы наталкиваемся на два обстоятельства, важныхъ для исторіи нашей медицины: 1) Ея представители, т.-е. врачи, были иностранцы, прибывшіе изъ-за границы, что соответствуетъ историческимъ даннымъ (см. Древн. Росс. Вивлюфика, т. 2. Письмо Генриха IV къ Оедору Ивановичу съ просьбой воротить французскаго врача). 2) Мы читаемъ, что иностранцы-врачи гибли жертвами народнаго суевѣрія. Увы! Это не только тогда: то же наблюдается и теперь, ибо корни суевѣрія слишкомъ глубоки и сей родъ изгоняется только наукой, корни которой еще очень не глубоки. Въ одномъ изъ большихъ городовъ Поволжья практиковалъ врачъ Молчановъ, человѣкъ отзывчивый и гуманный. Особенно онъ помогать одной бѣдной старушкѣ. Во время одного изъ холерныхъ бунтовъ (лѣтъ 15 назадъ) онъ былъ убитъ обезумѣвшей толпой. Такъ эта облагодѣтельствованная имъ старушка не нашла ничего лучше, какъ осквернить его трупъ самымъ нагрянувшимъ образомъ. Что дѣлать?! Врачу приходится-таки быть и ветеринаромъ...

Въ комедіи Островскаго «Комикъ XVII вѣка» на сценѣ снова иностранецъ-врачъ, также много терпящій. Въ романѣ Загоскина («Кузьма Мирошевъ»), соответствующемъ, если не ошибаюсь, началу 19 вѣка, мы снова встречаемъ иѣмца-врача—Думкопфа, также попосямага. Мы читаемъ, что героиня романа начала было поправляться, но на ея горе вернулся Думкопфъ, что невыгодно отразилось на ея здоровьи. Такая «уморительная» терапия можетъ быть наблюдалась дѣйствительно, ибо медицины собственно въ то время еще и не существовало*). Впрочемъ,—чтобы не

*) Такое иностранное засилье наблюдалось у насъ до самаго послѣдняго времени въ области педагогики: К. Н., иностранецъ, издававшій на родинѣ листокъ въ родѣ Pornografische Stunde, пріѣзжалъ въ Россію въ качествѣ воспитателя юношества... да и теперь нерѣдко неизвѣстная, часто не совсемъ благонадежная иностранка пользуется значеніемъ въ семьѣ и получаетъ большое вознагражденіе, а наши медалистки не могутъ найти мѣста. Это по-

забыть, — въ произведеніяхъ эпохи немного болѣе ранней мы также встрѣчаемъ упоминаніе о врачахъ, напимѣръ въ комедіи Императрицы Екатерины II «Обманщикъ» выводятся врачъ и какой-то подлѣбкаръ; послѣднему заплатили за труды, а первый просилъ, но не получилъ, — характерно!.. За 26 лѣтъ практики я неоднократно наблюдалъ, что больные благодарны низшему персоналу, напимѣръ слугѣ, выносящему посуду, дающему пить, но часто совѣмъ непризнательны врачу: 1-й передъ ихъ глазами работаетъ руками, усилія 2-го не ясны. «Можетъ быть болѣзнь и сама бы прошла», говоритъ больной. Мнѣ пришлось лѣчить нѣкотога Славушевскаго, знавшаго Пирогова; послѣдняго онъ пригласилъ однажды къ больному знакомому. Но Пироговъ потребовалъ гонораръ впередъ и на удивленный вопросъ С—аго отвѣтилъ: «Ты думаешь, я не получалъ вмѣсто денегъ папирсной бумаги?» Я вспомнилъ объ этомъ, получа вмѣсто гонорара обрванный билетъ квартетнаго собранія. Если подобное случалось съ Пироговымъ, то о малыхъ и говорить нечего. Врачъ есть человекъ, къ которому можно быть неблагодарнымъ даже на законномъ основаніи: онъ лишенъ нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ по сравненію съ представителями другихъ свободныхъ профессій. Въ разсказѣ Чехова «Враги» мы видимъ врача, у коего только-что умеръ ребенокъ, на лицахъ врача и его жены кромѣ гора видны утомленіе жизнью и раннее постарѣніе. Приѣзжаетъ помѣщикъ и зоветъ доктора къ больной. Тотъ отвѣчаетъ: «По закону вы имѣете право тащить меня за шиворотъ, но я, какъ видите, неспособенъ»... «Но знаете, больная — молодая женщина»... дачинаетъ уговаривать помѣщикъ, и между строкъ вы ясно читаете, что больная эта не только молода, но обладаетъ и нѣкоторыми другими качествами. Врачъ соглашается и ѣдетъ, — однако дома они узнаютъ, что эта, не только молодая, больная оказывается совѣмъ не больна, а нарочно услала мужа и бѣжала съ его знакомымъ. Видите, какіе курьезы рождаетъ жизнь: есть случаи, когда обвиненіе въ неподаніи медицинскоі помощи невозможно даже при наличности этого проступка и когда истерзаннаго врача зовутъ не къ больнымъ, а Богъ знаетъ къ кому... Въ литературѣ Екатерининской эпохи есть намеки на нѣкоторые способы лѣченія, напимѣръ минеральными водами (на-

тому, что иностранки энергичны, предприимчивы, практичны, умѣютъ готовить, шить, а главное — хорошо владѣютъ иностранными языками, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о нашихъ гимназисткахъ. Владѣтъ иностраннымъ языкомъ — дѣло великое, на которое пора бы обратить самое серьезное вниманіе. Вообще теперь образованіе должно быть практическимъ, а не чисто теоретическимъ, которое не отвѣчаетъ потребностямъ времени и почти нигде не приложимо, требуя однако большей затраты силъ и средствъ. Подумайте, сколько надо того и другого, чтобы получить дипломъ?! Пора понять слѣд. истину: чтобы хоть немного знать, надо многого не знать, т.-е. не разбрасываться, а сосредоточиваться.

чавшими входить въ употребленіе при Петрѣ). Такъ въ одной изъ комедій какая-то дама говоритъ по адресу пациентовъ: «ну, батюшки пошли на водопой», что вызывало смѣхъ зрительнаго зала. Какой смѣшливый народъ былъ въ тѣ серьезные времена! Откуда эта неумѣстная смѣшливость? Въ ней—намекъ на все-дашнее несочувствіе необразованнаго человѣка къ наукѣ, ея реформамъ и предписаніямъ, что мы видимъ и сейчасъ у крестьянъ. Медицинѣ приходится бороться не только съ болѣзнями, но и съ невѣжествомъ, порождающимъ болѣзни, и въ этомъ ея большое общественное значеніе. Въ литературѣ стараго времени есть указанія и на то, что врачи говорили по-латыни (см. комедію Островскаго «Комикъ XVII вѣка»),—обычай, существовавшій очень долго: латинскія слова мы слышимъ изъ устъ врачей и на послѣдней страницѣ «Портрета» (стихотв. разсказъ Алекс. Толстого). Я самъ въ началѣ практики знавалаъ врачей, говорившихъ по-латыни. Итакъ, даже въ этотъ неинтересный періодъ мы находимъ въ литературѣ указанія на исторію нашей науки; врачи-иностранцы, употреблявшіе латинскій языкъ, недружелюбное отношеніе къ нимъ со стороны публики, которая юднако пренебрегала ими, но не ихъ услугами,—такова ея публичная мораль*).

Въ 20-хъ годахъ 19-го вѣка жизнь начала обновляться: Русскія войска, пробывшія такъ долго на Западѣ во время Наполеоновскихъ войнъ, познакомились съ западной культурой и принесли ея влияніе на родину, гдѣ немного раньше были европейцы съ Наполеономъ и не могли не оставить нѣкотораго своего влиянія (какого—мы объ этомъ не говоримъ); много французовъ осталось въ Россіи въ качествѣ учителей и врачей, одинъ изъ коихъ (Савенъ), помните, женился на поэтессѣ Жадовской. Изъ Германіи туманной начали приходить другіе плоды учености, кромѣ черныхъ кудрей и восторженныхъ рѣчей: явились наши русскіе врачи—отецъ Базарова, Сверстовъ («Масоны» Писемскаго), врачъ, лѣчившій Лину («Четверть вѣка назадъ», Маркевича), правильно, не хуже итальянскаго коллеги распознавшій поражение сердца. Въ «Людахъ 40-хъ годовъ» (Писемскаго) мы

*) Исторія повторяется: точно такое же отношеніе мы находимъ въ глубочайшей древности (см. мою статью „Въ царствѣ Древн. Восточн. мысли“, „Дневн. Писат.“ 1909 г.). Въ Зендъ-Авестѣ уже совсѣмъ другое дѣло: врачи относительно въ почетѣ, въ достаткѣ, существовала даже такса за врачебный трудъ, по тому времени, надо думать, высокая (см. мою статью „Такъ говоритъ Заратустра“. „Вѣра и Церковь“ 1903 г.). Правда, имъ платили только за излѣченіе, что превозноситъ въ наши дни ученый переводчикъ Авесты, премудро забывая, что есть болѣзни неизлѣчимыя (ракъ), но требующія врача для утѣшенія отчаянной боли. За это стоитъ заплатить, не правда ли? Если я не могу вылѣчить дифтерита, но рано открою его и удалю здоровыхъ,—неужели мой трудъ бесполезенъ и недостойнъ вознагражденія? Или если такъ разсуждаетъ учевый, то чего претендовать на извозчика?

также видимъ русскаго сельскаго врача, умѣло и увѣренно произведшаго судебное освидѣтельствованіе трупа; здѣсь же мы видимъ и знаменитость—д-ра Ришара, получившаго огромный гонораръ. Послѣдній такимъ образомъ не представляетъ исключительной особенности нашего послѣдняго времени. Особенно типиченъ Сверстовъ, добрый, отзывчивый борець за истину противъ богатой неправды. Хотя эта борьба и кончилась неудачей, но такія личности не могли не имѣть большого общественнаго значенія, и эти личности были врачи. Сверстовъ дрезвычайно типиченъ: увлекающійся (масонъ), выпивающій вмѣсто одной рюмки 10, едва вышель изъ-подъ надзора жены... Вѣчный студентъ... Какъ характеренъ его отвѣтъ женѣ, спрашивающей: нуужели невозможны платоническія отношенія супруговъ? Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ: «тебѣ всё физиологи скажутъ». Какъ знаменательна эта фраза для людей, знающихъ студенчество! Эта ссылка на физиологовъ! Какъ будто нужно спрашивать гигиениста, чтобы понять необходимость отворить окно.... Отношеніе къ врачамъ измѣнилось: Сверстова любятъ и уважаютъ люди почти идеальные. Еще одинъ шагъ впередъ, и мы видимъ русскаго врача, ставшимъ еще выше и отодвинувшимъ прежняго стариннаго лекаря,—таковъ молодой врачъ въ романѣ Герцена «Кто виноватъ?» За этимъ докторомъ ухаживаютъ дамы, вышиваютъ ему подушки, онъ отбилъ всю практику у старика лекаря, которому осталось вѣрно только купечество. Новый докторъ смѣлъ и увѣренъ въ себѣ, ссылается на знаменитыхъ вивисекторовъ, которыхъ Герценъ называетъ собакоубійцами. Вы ясно видите, что уже недалеко была пора научной медицины, опирающейся на экспериментальную физиологію; и въ статьяхъ Чернышевскаго, относящихся почти къ тому же времени, проскальзываютъ надежды на излѣченіе психикъ. болѣзней послѣ изученія церебринъ и пр. Экспериментъ тогда сослужилъ огромную службу, открылъ такой новый міръ, котораго испугались не только люди не культурные: вспомните, что даже Кавелинъ ополчался на Сѣченова, и даже Добролюбовъ, помнится, острилъ, что онъ, Сѣченовъ, показываетъ душу подъ микроскопомъ. Какъ счастливъ я, имѣвъ возможность не только видѣть, но и слышать Сѣченова,—этого ветерана и шонера русской науки, имя котораго блеститъ на страницахъ ея исторіи. Кто его не зналъ, кто не говорилъ и не спорилъ о его мысляхъ? Говорять, что даже одинъ изъ героев романа «Что дѣлать?» Кирсановъ списанъ съ Сѣченова. Я видѣлъ и его послѣдніе дни и тотъ неумолимый процессъ жизни, которымъ она затираетъ и отодвигаетъ нѣкогда знаменитыя, но все же умирающія личности, неизбѣжно уступающія болѣе слабымъ, но молодымъ и живымъ. Онъ пережилъ свою славу камного. Итакъ въ то время экспериментъ въ пато и физиологии былъ дѣломъ великимъ; сейчасъ онъ мельчаетъ и даже какъ-будто вырождается, превращаясь иногда въ экспериментированіе, въ опытъ для опыта, иногда прямо возмутительный въ родѣ какой-

ишбудь студенческой работки на медаль—изъ-за ребяческаго тщеславія, не стоящей ни одной не только собачьей, но даже лягушачьей жизни. Вивисекція извинительна въ качествѣ демонстраціи жизненныхъ явленій на лекціи, ради освѣщенія обширной темной и спорной области, но отнюдь не для того, чтобы только написать диссертацию. Сейчасъ есть «люди кривой», не признающіе ничего, кромѣ эксперимента и кровяного давленія; при видѣ ихъ становится страшно не за человѣка, а за собаку: она часто по пустякамъ подвергается пыткамъ, передъ конми блѣднѣетъ шквизиція... О дѣятельности врачей приблизительно этой эпохи существуютъ благопріятныя указанія въ литературѣ, напр., въ «Мелочахъ архіерейской жизни» Лѣскова сообщается, что одинъ врачъ быстро помогъ одному больному архіерею, другой часто помогалъ Филарету Киевскому, который неоднократно говорилъ: «медицина—божественная наука». Теперь мы подходимъ къ наиболѣе интересному времени, золотому вѣку общественной роли врача, эпохѣ романовъ «Отцы и дѣти», «Что дѣлать?» и пр., когда явились люди типа Базаровыхъ и Кирсановыхъ. Особенно первый имѣлъ огромное влияние. Онъ въ духѣ того времени: не только ссылается на собакоубійцъ, но и самъ «рѣжетъ лягушекъ»; онъ реалистъ въ глазахъ котораго «Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ». Базаровъ полонъ физическихъ и умственныхъ силъ, какой-то угрожающей энергіи, не останавливается передъ дуэлью,—рѣдчайшій случай въ жизни врачей, которые по статистикѣ оказываются послѣ священниковъ наиболѣе мирнымъ парадомъ. Такіе люди имѣли громадное влияние на окружающихъ, изъ-за нихъ происходила борьба отцовъ и дѣтей; они были поперекъ естествознанія со всѣми его послѣдствіями и потому привлекали однихъ, вызывая ненависть мыслящихъ иначе. Даже просвѣщенный Алекс. Толстой проинизировалъ надъ курсистками, «потрошавшими чье-то мертвое тѣло», и надъ аптекаремъ, будто бы увѣрившимъ, что «если и впрямь существуетъ Господь, то не больше какъ видъ кислорода», хотя можно ручаться, что ни одинъ аптекаръ не бредилъ подобнымъ образомъ. И если такъ проинизировалъ Алекс. Толстой, то вообразите отношение невѣжественной толпы. Зато и люди противоположнаго лагеря не находили словъ для восхваленія естествознанія; вспомните статьи Шисарева о Дарвинизмѣ—по-моему наиболѣе увлекательное изложеніе предмета, какое я только знаю. Этой пропагандой естествознанія Базаровы сдѣлали великое дѣло, ибо образование есть познаніе самого себя, невысказанное безъ изученія организма и природы. Эта истина, увы, еще недостаточно проникла въ сознаніе даже нѣкоторыхъ якобы образованныхъ людей: есть «философы», которые пресерьезно воображаютъ, что достаточно прочесть о строеніи мозга или составѣ крови и такимъ образомъ, не видя ни одного микроскопическаго препарата, ни одной химич. реакціи, можно съ легкимъ сердцемъ «обличать» какого хотите натуралиста, даже изъ самыхъ великихъ. Эти псевдо-философы не по-

нимаютъ, что надо говорить о томъ, что знаешь, и что развязность—еще не философія. Какъ велико было влияние Базаровыхъ, доказываетъ письмо Писарева къ Тургеневу, когда тотъ сталъ разрабатывать другіе типы. Писаревъ недоумѣваетъ, гдѣ Базаровъ, куда онъ дѣлся? Живя недолго, онъ не доглядѣлъ и не понялъ, что Базаровъ умеръ, погибъ, какъ это художественно изображено и Тургеневымъ. Правда, еще гимназистомъ я встрѣчалъ людей, выдававшихъ себя за потомковъ героя; но это были лже-Базаровы, которыхъ легко было отличить стъ настоящихъ: вмѣсто молчаливой силы и знанія—невѣжество и болтливость. Сейчасъ невидно и слѣда настоящаго Базарова, который умирая могъ бы воскликнуть: «Ты побѣдилъ, Рафаэль!» Да, одного естествознанія недостаточно для поддержанія настоящей жизни настоящаго человѣка, въ особенности большого. Въ литературѣ мы имѣемъ указанія дѣятельности врачей немного болѣе поздняго періода. Достоевскій въ «Запискахъ изъ Мертваго дома» отмѣчаетъ сочувственное благодарное отношеніе къ докторамъ со стороны арестантовъ; то же самое мы видимъ и въ очеркѣ Кони, посвященномъ дру Гаазу*), котораго арестанты называли святымъ докторомъ. Видите, что и въ то время врачи свято исполняли предписаніе, которое выкрикиваютъ по ихъ адресу люди даже самые не милосердные: «къ больнымъ—милосердіе!» Да, но не худо прибавить: «къ настоящимъ, а не мнимымъ». На моей памяти одинъ «больной» нагло обругалъ дѣйствительно большого фельдшера, другой ударилъ фельдшера по лицу, третій далъ пощечину кастеляншѣ, четвертый—знаменитый человѣкъ—таскалъ за волосы старика-врача, лѣчившаго въ его «заведеніи». Кто здѣсь нуждался въ милосердіи: лѣчащіе или больные?.. Однажды меня позвали къ купчихѣ, страдавшей болью въ желудкѣ. «Я ѣла,—объяснила она,—перяяслав. селедку, качегурскую осетрину, еще какого-то (не помню названія) судака и пр.» Я хотѣлъ назначить лѣченіе. «Нѣтъ,—рѣшительно отклонила она.—Дома я ѣла больше. Вы мнѣ скажите только, нѣтъ ли здѣсь признаковъ отравленія рыбнымъ ядомъ? Больше мнѣ отъ васъ ничего не надо...» Этотъ ангель, оказывается, пасовалъ только передъ рыбнымъ ядомъ. Если здѣсь надо кого-нибудь жалѣть, то развѣ ссетрину или анонимнаго судака**). Есть больные, не выносимые въ своей

*) Объ этой замѣчательной личности см. въ очеркѣ проф. Тарахова. Прилож. къ „Дневн. Писат.“ 1908 г.

**) Есть случаи объяденія какого-то стихійнаго трагическаго характера. Помню, больной юноша съ тяжелымъ воспаленіемъ легкаго, ажитированъ, кричитъ: умираю, все бесполезно... Братъ его объяснилъ, что въ гимназіи больному не давался греческій языкъ, отсюда переутомленіе; потомъ дифтеритъ, психозъ, лѣчебница. „Я его навѣстилъ,—продолжалъ братъ;—онъ со слезами упросилъ меня взять его въ лучший ресторанъ и заказать лучшій блюда и, знаете, вообще... налегаль“. „Всему конецъ!“—кричалъ больной, предчувствуя гибель, и дѣйствительно къ утру скончался. Невольно задумаешься надъ стихійнымъ несчастьемъ

«неизлѣчимости»,—таковъ сенаторъ Араратовъ въ разсказѣ Григоревича. (Какая-то окаменѣлость!) Или та больная, прожорливость которой занесена на первыя страницы «Тысячи душъ». Недостатки больныхъ упомянуты мною не ради порицанія, они неслучайны и наводятъ на важныя мысли о своемъ происхожденіи, весьма напоминая то, что говорятъ эволюціонисты... «Въ натурѣ отражаются всѣ качества предшествовавшаго человѣку звѣринаго царства: безсердечность рыбъ, сладострастіе амфибій, ярость рептилій, мстительность тигра, хитрость и вороватость обезьянъ» (см. рѣчь Умова въ годич. засѣд. Моск. Общ. Испытан. Природы 3-го окт. 1908 г.). Повторяю, врачу приходится быть и ветеринаромъ. Въ вопросѣ о милосердіи я желалъ бы, чтобы врачъ видѣлъ въ больномъ человѣка и милосердствовалъ къ послѣднему, не дожидаясь болѣзни. И для врача я хотѣлъ бы не шитыхъ подушекъ, преклоненій или похвалъ, но человѣческаго отношенія къ нему какъ къ человѣку, а не какъ къ филантропической машинѣ, которая всегда должна быть готова къ дѣйствию. О, если бы всѣ больные видѣли человѣка во врачѣ и помнили браминское изреченіе: «Это то же ты!» Съ эпохи великихъ реформъ, когда народилось земство и земскіе врачи, въ литературѣ то и дѣло появляются хорошіе, часто восторженные отзывы о дѣятельности медицинскаго персонала. Такова масса весьма живо написанныхъ разсказовъ Круглова, Догановичъ *), Чехова (который самъ былъ врачомъ), много газетныхъ фельетоновъ, напр., я читалъ въ «Курьерѣ» (не помню №) о врачѣ-идеалистѣ, расходовавшемъ массу силъ на свои обязанности... Онъ кончилъ алкоголизмомъ, также какъ и его отецъ—врачъ въ отставкѣ. Увы, такой копецъ нерѣдкость въ провинціи (см. разсказъ Чирикова «Gaudeamus igitur»): среда заѣдаетъ. Въ литературѣ отмѣчены и другія невзгоды врачебной жизни; такъ на примѣрѣ дра Овчинникова (у Чехова) мы видимъ всю неприятность этихъ часто неизбежныхъ столкновеній съ фельдшерами, зависимость отъ Предсѣдателей Управъ и пр. Въ художеств. произведеніяхъ встрѣчаются отголоски разныхъ особенностей врачебной дѣятельности, напр., споры у постели больного по поводу разногласій въ діагнозѣ, прекрасно описанные Толстымъ въ «Смерти Ивана Ильича»: одни діагносцировали «слѣпую кишку», другіе—блуждающую почку. По-моему восторжествовала партія слѣпой кишки, ибо одна блуждающая почка не вызываетъ такого хода и исхода. Мы видимъ и отношеніе врачей къ дуэли; вмѣсто разсказовъ сошлюсь на картину Рѣпина «Дуэль», лучше всякихъ разсказовъ иллюстрирую

этого юноши, которому ужъ ничего не оставалось въ жизни кромѣ наслажденія вкуса, и онъ спѣшилъ насладиться этимъ, не рѣшаясь просить брата ни о чемъ другомъ... Что думалъ онъ, предчувствуя кончину? Зачѣмъ онъ жилъ и что представляла сама жизнь его?.. Ignoramus.

*) Г-жа Догановичъ всегда съ любовью останавливала вниманіе на службѣ народу...

щую отношеніе врача къ этому пережитку—нѣмой укоръ во взглядѣ доктора говорить много. Укажу еще на два разсказа извѣстнаго юмориста Лейкина: «Докторъ, какихъ не любятъ» и «Докторъ, какихъ любятъ», въ 1-мъ вы такъ и представляете плотнаго, здороваго неподвижнаго мужчину, вѣроятно, любителя холода, мало понимающаго больныхъ. Онъ сторонникъ гичены и выжиданія, почти не лѣчить, не умѣетъ вліять на пациентовъ, которые конечно не любятъ платить за яичегонедѣланіе. Такихъ врачей естественно не любятъ; это часто врачи по недоразумѣнію; въ нихъ пропадаетъ бухгалтеръ или завѣдующій складомъ. Во 2-мъ разсказѣ врачъ употребляетъ какіе-то странные приемы, рѣдкіе и мало вѣроятные, но очевидно умѣетъ вліять на больныхъ, и потому его любятъ, ибо умѣнье вліять—великое дѣло въ практикѣ. Здѣсь широкое теоретическое образованіе скорѣе вредно, ибо оно отвлекаетъ массу времени и силъ, не давая сосредоточиться на потребностяхъ практики: между ней и теоріей «утвердился пропасть велика». Поэтомъ часто очень образованные врачи—слабые практиканты. Широкое образованіе, требуя массы силъ, ослабляетъ волю, увѣренность въ себѣ, столь необходимую въ нашемъ дѣлѣ. Почему новые способы сначала даютъ блестящіе результаты? Потому что въ нихъ еще вѣрятъ и врачъ и больной: лѣчить вѣра, съ ослабленіемъ которой падаетъ и цѣлебность способа. Поэтомъ же врачъ, богатый энергіей, имѣетъ большой успѣхъ, чѣмъ слабый и вялый, хотя личное вліяніе не исчерпывается одной энергіей. Базаровъ—человѣкъ воли, повидимому, пользовался меньшимъ практическимъ успѣхомъ, чѣмъ врачъ, выведенный Герценомъ («Кто виновать?»), хотя Базаровъ несомнѣнно былъ образованнѣе. Мы читаемъ, что онъ хорошо вліялъ на дѣтей, и ему слѣдовало бы быть педиатромъ, а съ гинекологіей коллегѣ не везло....

Теперь я хочу обратить вниманіе на то, что обѣщано выше: почему врачи являются наиболѣе мирнымъ народомъ, имъ какъ-то не везетъ (см. «Д-ръ Мошковъ» Боборыкина, сравни этого смиреннаго доктора и наглаго, подкальывающагося подъ него хлыща). Даже Базаровъ былъ неудачникъ. Врачи часто спиваются, кончаютъ самоубійствомъ, рано старѣютъ (см. Чеховъ «Враги»), подвергаются насмѣшкамъ (см. Станюковича «На камняхъ» и Эртеля «Волконская барышня») — не рѣдкое явленіе; вообще все указываетъ на какую-то легкую уязвимость, непрочность нашей спеціальности, происходящую отъ 3-хъ причинъ. Во 1) врачъ какъ бы лишенъ нѣкоторыхъ правъ и законъ защищаетъ его меньше, чѣмъ другихъ: онъ обязанъ подать помощь, въ какомъ бы состояніи ни находился, независимо отъ того, заплатятъ ему или нѣтъ; онъ обязанъ помочь даже соблазнителью своей жены, какъ это случилось съ Вибелемъ въ «Масонахъ» Писемскаго. Перефразируя Некрасова, можно бы сказать: «Братья лѣчащіе! Есть въ нашей долѣ нѣчто суровое». 2-я причина еще важнѣй, — пережитокъ глубокой старины, первородный грѣхъ, тяготящій

надъ нашей спеціальностью; это рабство, ибо врачи въ древности были рабами (см. мою статью «Библейская гигиена» въ «Вѣрѣ и Церкви»). А у насъ въ Россіи это было еще очень недавно, кончилось на нашей памяти, когда врачи стояли у притолки и получали паекъ (см. «Воспоминаніе Снѣгирева о Захарьинѣ» въ «Трудахъ физ.-медиц. общ.»). Этихъ 2-хъ причинъ достаточно для большей уязвимости особенно со стороны грубой силы: таковая похожа на матеріальную и въ противоположность благородству идетъ въ сторону наименьшаго сопротивленія. Спасаетъ еще всесильный у насъ мундиръ, что ясно на примѣрѣ д-ра Холодца въ «Кровавомъ пуфѣ» Крестовскаго. 3-ья причина—въ ненависти, стихійномъ протестѣ некультурныхъ людей, т. е. огромнаго большинства по отношенію къ наукѣ, реформамъ, просвѣщенію, что особенно паблодалось у насъ въ древности времянь Басурмана (см. также начало «Петра I» Мережковскаго)*. Тогдашній человекъ не любилъ свѣта, боялся знанія, тяготѣлъ ко всякимъ суевѣріямъ и страхамъ.

Нашъ древній край родной! Ты не любилъ науки
И знаніе терпѣлъ лишь отъ нужды и скуки.
Мы не хотимъ пѣвцовъ, намъ воплениць зовите
И вмѣсто мудрецовъ юродивыхъ ведите.
Міръ суевѣрій, сектъ... чортъ, странницы, кликуши...
Для басенъ, мрачныхъ грезъ у насъ отверсты уши;
Мы больше любимъ то, что погрузитѣй, страшнѣй,
Насъ къ свѣту не влекло, намъ полумракъ милѣй.
И былъ бы древній Россъ навѣрное не радъ,
Когда бы слухъ прошелъ, что уничтоженъ адъ!

Я вспомнилъ это, когда при мнѣ одна добрѣйшая женщина претендовала на спиритовъ. «Помилуйте! Они говорятъ, что нѣтъ ада!» Она навѣрное простила бы имъ отсутствіе рая. Такъ вотъ толпа враждебна свѣту знанія, а врачъ—пионеръ не только знанія, но и естествознанія: «рѣжетъ лягушекъ», «потрошитъ тѣла», «читаетъ о креозотѣ», «говоритъ о Дарвинѣ и о матеряхъ важныхъ» (д-ръ Холодецъ)**). Остается разсмотрѣть 3 произведе-

*) Я знавалъ людей, утверждавшихъ, что мужику совсѣмъ ненужно просвѣщеніе: они хотѣли поѣхать на этомъ мужикѣ еще лѣтъ якоже пятьдесятъ. Такіе люди имѣютъ характерный признакъ: они легко прощаютъ и забываютъ все и всѣмъ—японцамъ, евреямъ и финляндцамъ—только не своимъ русскимъ, съ конми враждуютъ вездю. О, если бы они могли умилиться хотя на лажакъ своихъ! Впрочемъ такихъ представителей карманнаго патріотизма сейчасъ уже совсѣмъ наперечетъ: они вымираютъ...

***) Около времени появленія романа Крестовскаго у насъ началось увлеченіе Дарвиномъ, что и отмѣчено въ «Кровавомъ пуфѣ»: д-ръ объясняетъ польскому герою борьбу славянъ борьбою за существованіе. Холодцу жилось легко: у него былъ ростъ отличный, голосъ зычный и кулакъ приличный,—такимъ людямъ „вольготно весело живется...“ ибо вездѣ существуетъ только одно право сильнаго.

нія, отчасти біографическаго характера: 1) д-ръ Сафоновъ Ратомскаго, повидимому посвященный личности знаменитаго московскаго клинициста, по-моему одного изъ первыхъ въ Европѣ. Это тотъ докторъ, про котораго говорятъ слуги въ «Плодахъ просвѣщенія» Толстого, сообщая, какъ передъ нимъ смирилась даже генеральская гордость. Въ очеркѣ Ратомскаго отмѣчены знаменитость этого врача, его «чуждачества», приемы, затягивающіеся до поздней ночи. Помню, у одной изъ моихъ больныхъ онъ назначилъ быть въ 4 часа утра. 2) Я не зналъ близко Сафонова и потому перехожу къ разсказу Амфитеатрова «Какъ умирають москвичи», гдѣ изображенъ хорошо мнѣ извѣстный д-ръ Доброзраковъ, обрисованный короткими, но мѣткими штрихами: типичны его разухабистость, хохоть, простота,—вы видите изъ разсказа, не вполне естественная, отчасти напускная. Онъ былъ не изъ простыхъ, слово не всегда соотвѣтствовало дѣлу, требовалъ, принимая помощника, чтобы тотъ только работалъ, и, дескать, будетъ тебѣ хорошо. А на дѣлѣ работавшіе и наиболѣе талантливые оттирались, самый «блестящій» даже былъ изгнанъ, а наиболѣе взысканными оказались какъ разъ тѣ, которые совсѣмъ не «работали» или, лучше сказать, трудились въ тѣсномъ единеніи съ лакеемъ Доброзракова, о коемъ также упоминаетъ Амфитеатровъ. Доброзраковъ цѣнилъ сего лакея, и когда тотъ по своей волѣ ушелъ отъ него, такъ д-ръ посылалъ за нимъ и просилъ вернуться и... упробилъ. Я слышалъ объ этомъ отъ близкаго Доброзракову лица. Сей лакей нажилъ деньги и потомъ, говорятъ, игралъ видную и отвѣтственную роль въ новомъ авто-индуктивномъ ресторанѣ. Впрочемъ надо и то сказать, что Доброзраковъ у Амфитеатрова изображенъ въ зенитѣ славы, когда человѣку предстоитъ уже опускаться; я зналъ его еще свѣжимъ, молодымъ, когда атмосфера вокругъ него была ясная, онъ не поносилъ своихъ товарищей, какъ въ разсказѣ («Свинья съ поросенкомъ»), не отрицался отъ физиологіи и патологии, самъ былъ хорошимъ экспериментаторомъ и оставилъ ясный слѣдъ въ наукѣ. Последнее время онъ часто развивалъ (нерѣдко доводя до ненужнаго излишества) идеи своего воистину великаго учителя и часто разрабатывалъ ихъ не самъ—увы!—нерѣдкое явленіе среди нашихъ учителей, которые не прочь похвалъ на сплнхъ помощниковъ, а когда все кончено, «дѣлають выводы». Доброзраковъ былъ хорошии практикъ: и въ разсказѣ его предсказанія оправдались. 3) Біограф. свѣдѣнія находимъ у Маркевича объ Оверѣ («Четверть вѣка назадъ»), между прочимъ приводятся его слова, что медицина ничего не можетъ. Я сомнѣваюсь, чтобы Оверъ ихъ сказалъ: или онъ забылъ о половой заразѣ, противъ которой медицина обладаетъ специфическими средствами? Сейчасъ эти слова совершенно лживы послѣ работъ Захарына и др. клиницистовъ. Я знавалъ современниковъ Овера, прекрасно отзывавшихся о его дѣятельности. Я лѣчилъ въ домѣ Селивановой, гдѣ раньше лѣчилъ и Оверъ. Селиванова тепло вспоминала о немъ и на вопросъ

мой о его совѣтахъ сообщила между прочимъ слѣдующее: «для женщины лучшее средство избѣжать послѣродовыхъ болѣзней—самой кормить своего ребенка». Эта мысль имѣетъ огромное не только медицинское, но и общественное значеніе; она повторяется во врачебныхъ работахъ и пропагандируется въ драмахъ де-Брие. Въ Екатер. больницѣ, о коей упоминаетъ Маркевичъ и гдѣ имени Овера посвящена палата, мнѣ показывали рѣдкую брошюру, написанную въ его воспоминаніе; въ ней между прочимъ приведена прощальная рѣчь на прекрасномъ латинскомъ языкѣ къ студентамъ, изъ коей я запомнилъ слова: «будьте учены, будьте гуманны». Я видѣлъ его портретъ, подаренный имъ Селивановой (хорошее лицо), и былъ на его могилѣ на Введенскихъ горахъ. При собираніи литературы для диссертациі мнѣ попались во французскомъ журналѣ замѣтки объ операціяхъ Овера *). Этимъ я заканчиваю статью, изъ коей читатель, надѣюсь, ясно видитъ, что русская литература оправдываетъ русскаго врача: онъ можетъ спокойно смотрѣть на свое прошлое и съ надеждой на будущее. Въ «Моск. Листкѣ» въ одномъ изъ №, вышедшихъ 12-го января (не помню года), были стихи. Говорилось о врачѣ, который, празднуя Татьянинъ день, вспоминая о прежнихъ идеалахъ, загрустилъ, думая, что мало сдѣлалъ хорошаго. Но предъ нимъ явилась богиня знанія и успокоила его словами: ты много пролилъ свѣта въ это захолустье...

В. Недзвецкій.

*) Въ литературѣ есть нѣчто въ родѣ шаржей біогр. характ. „Мимочка на водахъ“

КРЫМСКІЕ НАБРОСКИ.

IV *)

КРАСОТЫ АЛУПКИ.

Ясное, свѣжее майское утро. Мы сидимъ на балконѣ и пьемъ чай. У нашихъ ногъ раскинулся знаменитый паркъ Воронцовыхъ. Его нѣжная зелень пріятно ласкала взоръ. Далѣе за нимъ покоится величавое море, сверкая подъ крымскимъ солнцемъ.

Тепло и тихо.

Обманута наша сѣверная угрюмая, непривѣтливая природа: далеко позади осталось ея холодное дыханіе. Вѣдь тамъ, на сѣверѣ, она не успѣла еще нарядиться въ зеленый уборъ, а здѣсь уже давно все поетъ и веселится. Солнце радостно играло на безоблачномъ небѣ, въ саду нашей дачи расцвѣтали абрикосы и персики, птицы громко перекликались.

— Можно къ вамъ?—спросила хозяйка, постучавъ въ дверь.

— Пожалуйста.

Хозяйка вошла.

— Что, наслаждаетесь нашимъ Крымомъ?

— Вы угадали.

— Дѣйствительно, какая у васъ здѣсь красота,—отозвались мы.

*) См. „Дн. Писателя“ 1909 г., октябрь.

— О, да, я съ вами согласна, хотя намъ все это уже, какъ говорить, достаточно приглядѣлось; а на васъ, людей новыхъ, конечно, Крымъ долженъ произвести большое впечатлѣніе.

Хозяйка заговорила о крымской жизни и коснулась даже своей биографіи. Ея рѣчь лилась какъ ручей. Въ ней сказывалась истая уроженка юга.

Выяснивъ кое-какія условія нашей жизни на ея дачѣ, она вышла. Намъ не разговаривалось. Встрѣтившись съ Крымомъ лицомъ къ лицу, хотѣлось только молча созерцать его красоты. Мой взоръ всего болѣе приковалъ красавецъ-титанъ Ай-Петри. За время моей жизни въ Алупкѣ я любовался имъ въ разные моменты: на монхъ глазахъ скользила по нему нѣжная заря, и розовые лучи заходящаго солнца играли на его зубцахъ, упиравшихся въ самое небо; я далѣе наблюдалъ, какъ купался онъ и въ жаркихъ лучахъ полуденнаго солнца; видѣлъ, какъ облака закутывали его вершину и какъ грозныя тучи мчались надъ нимъ—и во всякое время былъ онъ удивительно хорошъ! Но если въ ясное утро и въ тихій вечеръ онъ ласкалъ взоры, то что-то грозное чувствовалось въ немъ, когда небо было покрыто темными тучами, когда гремѣли оглушительные раскаты грома и яркая молнія озаряла его исполинскіе зубцы. Душа невольно смущалась при видѣ этого подавляющаго грознаго великолѣпія, и глаза избѣгали встрѣчи съ нахмуреннымъ колоссомъ. Но теперь, когда я смотрѣлъ на него въ первый разъ по приѣздѣ въ Алупку, онъ былъ тихъ, миренъ, и ничто не возмущало его спокойствія. Сосны лѣпились по его каменной груди, стараясь подняться туда въ заоблачные края, и казались отсюда только лишь пятнами моха. Покончивъ съ чаемъ, я поспѣшилъ осмотромъ Алупки. Алупка расположена амфитеатромъ по склону горы, и правильныхъ улицъ въ ней нѣтъ. Кривыя, узкія, онѣ смахиваютъ скорѣе на азиатскій манеръ. Дачи изящной причудливой архитектуры разбросаны какъ попало: одна стоитъ у самой дороги, другая нѣсколько дальше а третья вся скрылась въ зелени. Нѣтъ широкихъ просторныхъ дворовъ, нѣтъ обширныхъ службъ. У рѣдкой дачи вы встрѣтите отдѣльный сарай. Въ центрѣ Алупки много татарскихъ саклей, около которыхъ рѣзво бѣгаютъ подрастающіе поклонники Магомета. На главной улицѣ есть довольно приличные магазины. Азія здѣсь сошлась съ Европой. Татары и греки встрѣчаются съ богатой русской интеллигенціей и чув-

ствуя себя хозяевами положенія, стараются насколько возможно болѣе поживиться на счетъ прїѣзжихъ.

Я прохожу мимо одной кофейни. Толстый татаринъ съ чалмой, скрестивъ ноги, важно сидитъ у входа и сосредоточенно тянетъ трубку. Передъ нимъ маленькій столикъ, на которомъ микроскопическая чашечка съ турецкимъ кофе. Его собесѣдникъ что-то оживленно говоритъ, сильно жестикулируя, но толстый татаринъ хранитъ упорное молчаніе, точно разговоръ обращенъ не къ нему, а къ кому-то другому. Такова ужъ выдержанность и серьезность татаръ, что рѣзко отличаетъ ихъ отъ болтливыхъ грековъ. Если вы зайдете въ кофейню, то васъ сильно оглушитъ царящій тамъ шумъ и гвалтъ множества голосовъ; но, не смущаясь этимъ, вы потребуйте себѣ кофе. Вамъ дадутъ такую же микроскопическую чашечку, какая стояла передъ татаринѣмъ, и плюсъ стаканъ холодной воды. Когда мнѣ подали его первый разъ, я рѣшительно не зналъ, что съ нимъ дѣлать. Принилось обратиться за разъясненіями къ прислуживающему мальчику. Тотъ выставилъ на меня свои черные живые глаза, точно удивляясь моему невѣжеству, и объявилъ:

— Кофе запивать.

Объясненіемъ я удовлетворился, но послѣдовать совѣту не считъ нужнымъ. Кофе, сваренный по-турецки, подается прямо съ гущей и обладаетъ прїятнымъ, оригинальнымъ вкусомъ.

Отвѣдавъ этого восточнаго напитка, я вышелъ изъ кофейни.

— Какъ бы мнѣ пройти въ паркъ?—обратился я къ флегматично стоящему татарину.

— А вотъ ступай по дорогѣ,—махнувъ рукой, отвѣчалъ онъ,— поверни направо. Будетъ переулкъ и крутой лѣстница. Ступай по лѣстница. Тамъ близка. Найдешь.

Я поблагодарилъ и отправился отыскивать «крутой лѣстница». Минуты черезъ три я уже отворялъ калитку парка.

Да, дѣйствительно Крымъ есть страна контрастовъ, въ чемъ я неоднократно убѣждался и внослѣдствїи. Только минутъ пять тому назадъ меня окружалъ разноязычный говоръ, крики, уличное движеніе, а вотъ теперь я точно перенесся за тысячу верстъ въ какой-то тропическій лѣсъ.

Именно тропическій.

Алупка, благодаря своему удачному мѣстоположенію, защищенная отъ вѣтровъ, считается самымъ теплымъ мѣстомъ изъ всего южнаго берега. Это обстоятельство и еще изобиліе пре-

красной воды—дѣлаютъ растительность Алупки близко подхо- дящей къ тропической. Я убѣдился въ этомъ послѣ перваго же своего знакомства съ паркомъ. Лавровыя деревья, платаны, магноліи, каштаны, велингтоніи, ливанскіе кедры, рощи кипарисовъ—все это растетъ здѣсь прямо на воздухѣ и достигаетъ большихъ размѣровъ. Какъ скромна кажется наша сѣверная растительность по сравненію съ этими растениями юга! Вотъ развѣсистый платанъ со своими вырѣзными листьями стоитъ одиноко у пруда и, опустивъ вѣтки почти до самой земли, точно думаетъ какую-то ему только вѣдомую думу. Вотъ крымская сосна, широко раскинувъ вѣтви, зоветъ васъ подъ свою гостепримную сѣнь.

Я вышелъ на поляну, за которой полукругомъ росли кипарисы. Они точно добрые сосѣди собрались въ кружокъ и ведутъ между собой таинственную, непонятную для насъ бесѣду. Но вотъ аллея лавръ. То, что у насъ на сѣверѣ бережно лелѣется въ горшкахъ, здѣсь свободно растетъ на открытомъ воздухѣ, образуя цѣлыя рощи. Какое различіе между сѣверомъ и югомъ! Я жадно вдыхалъ въ себя чистый ароматный весенній воздухъ и какъ очарованный бродилъ по дорожкамъ, усыпаннымъ мелкимъ пескомъ. Паркъ прорѣзывало нѣсколько горныхъ ручьевъ, и ихъ тихое журчаніе удивительно гармонировало со всѣмъ видѣннымъ, настраивая душу на поэтическій ладъ. А великанъ Ай-Петри продолжалъ царствовать надъ всѣмъ ландшафтомъ, довершая его красоту, и не было, кажется, мѣста, куда можно было бы спрятаться отъ этого исполина. Я вышелъ къ хаосу и невольно остановился. Передо мной была гора наваленныхъ въ дикомъ безпорядкѣ огромныхъ глыбъ. Опять новая титаническая работа! Опять проявленіе стихійныхъ силъ! По устроенной тропинкѣ я поднимаюсь на верхъ и сажусь на первую попавшуюся глыбу. Паркъ у моихъ ногъ. Ближе къ Ай-Петри привѣтливо выглядываютъ изъ-за зелени изящныя виллы. Побудьте здѣсь подольше, подумайте, отрѣштесь хотя на минуту отъ жизненной грязи и пошлости,—это мѣсто стоитъ этого. Неприятно только дѣйствуютъ надписи на камняхъ, надписи никому невѣдомыхъ, ни для кого неинтересныхъ посѣтителей. Неужели эти «писатели» думали подобнымъ способомъ увѣковѣчить свое имя? Какое жалкое заблужденіе!

Откуда взялся этотъ хаосъ? Очевидно, и здѣсь когда-то былъ обвалъ. Быть можетъ, происхожденіе этого хаоса, такъ же какъ и обвала у Кекенеиза, связано съ сильнымъ землетрясеніемъ въ

Византии, которое случилось въ 1341 г. и достигло до Крыма, причинивъ послѣдному большой вредъ. Такого именно мѣняи держится В. Кондараки въ своемъ извѣстномъ унiversalномъ описаніи Крыма.

Въ паркѣ есть еще два пункта, которые обращаютъ на себя вниманіе туристовъ; это: пещера, гдѣ похоронена любимая собака княгини Воронцовой, и уединенное глухое мѣсто недалеко отъ дворца, гдѣ молилась княгиня. Послѣднее мѣсто найти нетрудно по кресту, утвержденному на большомъ темномъ камнѣ. Собака же положена въ особомъ гротѣ, куда войти нужно согнувшись. Передъ входомъ въ гротъ есть полуистертая отъ времени надпись, высѣченная на скалѣ, гдѣ обозначенъ годъ смерти собаки и ея кличка. Обѣ эти мѣстности носятъ на себѣ довольно-таки мрачный колоритъ, и человѣку слаонервному едва ли можно рекомендовать ходить сюда въ сумерки, а тѣмъ болѣе ночью.

Вдоволь побродивъ по парку, я направился къ дворцу. Подхожу къ сѣверному фасаду. Передо мною точь-въ-точь средневѣковый рыцарскій замокъ, холодно-красивый, много говорившій уму, но не сердцу. Отсюда онъ скорѣе походилъ на какую-то крѣпость, чѣмъ на произведеніе мечтательнаго востока. Зубчатые карнизы рельефно выдѣляются на голубомъ фонѣ неба. Я спускаюсь во дворъ. Прямо передо мной высятся двѣ башни и на одной изъ нихъ часы. Направо, за стѣной двора, высоко поднялись къ небу два стройные, рядомъ стоящіе кипарисы, какъ братья-близнецы. Я прохожу арку надъ башнями и вступаю въ другой дворъ. Почти посреди его расположенъ фонтанъ, около него стоитъ извозничья коляска. Еще нѣсколько шаговъ—и я у калитки, ведущей къ южному фасаду дворца. Калитка затворена, около нея постоянно находится сторожъ.

— Можно на террасу?—обращаюсь я къ нему.

— Можно,—отвѣчаетъ мнѣ татаринъ и щелкаетъ замкомъ.

Я вхожу и оглядываюсь.

Какое уютное, милое мѣстечко! Пальмы стройно поднимаются съ земли и широко раскинули свои вырѣзные листья. Всюду розы и цвѣты, все ласкаетъ взоръ. Стѣна дворца вся до карниза въ блестящемъ площѣ, образуя одинъ сплошной зеленый коверъ.

Я спѣшу впередъ къ террасѣ, уголокъ которой виднѣется отсюда. Поднимаюсь по нѣсколькимъ ступенямъ и..... въ изумленіи невольно останавливаюсь. Я попалъ точно въ одинъ изъ

дворцовъ Шехеразады. Такъ вотъ она знаменитая въ Крыму Альгамбра, выстроенная по образцу Альгамбры въ Гренадѣ! Чтобы составить полное понятіе о южномъ фасадѣ дворца, нужно побывать здѣсь. Одинъ сухой перечень едва ли дастъ понятіе о всей прелести и изящности этого мѣста. Чувствуется, что находишься въ какомъ-то сказочномъ дворцѣ, ностроенномъ доброй феей. Широкая лѣстница, украшенная тремя парами бѣлыхъ мраморныхъ львовъ художественной работы, при чемъ верхняя пара изображаетъ львовъ бодрствующихъ, средняя — пробуждающихся,

Алупка, фасадъ дворца „Альгамбра“

а нижняя — спящихъ; мраморныя скамьи, изящныя мраморныя фонтаны съ вазами и бассейнами, легкий воздушный стиль съ башенками, балконами и зубцами, тропическая растительность—все это могла создать только фантазія востока, все это просится скорѣе въ царство грезъ и сказки. Недоставало только, чтобы заиграла гдѣ-нибудь тихая, воздушная, чарующая музыка и изъ дворца вышли бы группы прекрасныхъ женщинъ въ роскошныхъ костюмахъ востока, которыя начали бы свои граціозныя танцы.

Я сѣлъ на мраморную скамью. Какъ-то не хотѣлось оставлять этотъ чудный уголокъ, полное олицетвореніе поэзіи. Восточная

нѣга охватила душу. Сказочные образы, питавшіе дѣтскую фантазію, невольно выплыли наружу. Я какъ бы видѣлъ теперь эту сказку наяву.

И гдѣ бы я ни сталъ жить, куда бы ни пошелъ, но лѣстница съ мраморными львами навсегда останется у меня въ памяти. Здѣсь вы чувствуете себя настроенными совершенно на иной ладъ. Вы долго будете скользить своимъ взоромъ по изящнымъ деталямъ архитектуры, по мраморнымъ украшеніямъ, по величественнымъ львамъ, долго будете смотрѣть на морскую павораму, и когда подниметесь со скамьи, чтобы уходить, то невольно нѣсколько разъ обернетесь назадъ: вамъ грустно станетъ покидать этотъ уголокъ Русской Шехеразеды.

Дворецъ былъ выстроенъ еще въ 30 г. прошлаго столѣтія, и на постройку его потребовалось цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. Принимая во вниманіе его прочность, обширность (во дворецѣ всего до 200 комнатъ) и изящество, нѣтъ ничего удивительнаго въ такой продолжительной стройкѣ. Въ настоящее время никто изъ владѣльцевъ во дворецѣ не живетъ. Жена князя Воронцова, получивъ по духовному завѣщанію только движимость дворца (имѣніе Алупка представляетъ майоратъ), увезла все въ Италію.

Такимъ образомъ дворецъ сразу лишился всѣхъ рѣдкихъ, художественныхъ, дорогихъ вещей.

А какъ, дѣйствительно, жаль, что подобное драгоценное произведеніе искусства, построенное въ мавританскомъ восточномъ стилѣ, пустуетъ, представляя только жилище сторожей-татаръ!

Невольно вспоминается извѣстное латинское изреченіе: *sic transit gloria mundi*.

И. Поповъ - Пермскій.

СЪ ДОРОГИ.

(Изъ размышленій на перепутьи.)

И только что изъ вагона, гдѣ, сидя въ уголку купэ, предавался размышленіямъ, а теперь пишу въ номерѣ гостиницы, въ одномъ изъ сибирскихъ городовъ. Потянуло побесѣдовать съ вашими читателями, съ которыми давно не бесѣдовалъ. Натолкнула меня на бѣглыя мысли встрѣча въ дорогѣ съ представителями юной Россіи. Мнѣ вспомнились слова покойнаго философа-естественника Н. Н. Страхова, съ которымъ приходилось встрѣчаться много разъ. Онъ говорилъ съ усмѣшкой:—«У насъ молодые люди невыразимо высокоумны. У нихъ вся полнота истины. Они обладаютъ какими-то удивительными добродѣтелями, на всѣхъ и все смотрятъ свысока. Это было бы противно, и за это они заслуживали бы великаго осужденія, если бы не были виноваты только на половину». Да, потому что ужъ таковъ складъ просвѣщенія современнаго. Современный человѣкъ видитъ во всемірной исторіи только два періода: до настоящей минуты—силошній періодъ мрака и зла, а далѣе и отчасти уже нынѣ—начало періода свѣта и добра. Если къ этому добавить, что молодежи всегда льстили, за нею ухаживали и кричали о какихъ-то ея преимуществахъ въ жизнепониманіи и правдивости принциповъ гражданскаго сожитія, то естественно, если молодые люди и сами повѣрили въ свою исключительную избранность, въ свое право не учиться, а учить и руководить русскою жизнью. И вотъ высокоумное отношеніе къ отцамъ, разрывъ съ семьею, поступки дурнаго свойства, оправдываемые лъстецами или ограниченными или имѣющими свои виды.

Эта лъсть прямо пагубна. Обольщаемая и самовлюбленная молодежь лишается способности наблюдать за собою, за своими мыслями и впечатлѣніями, не замѣчаетъ своихъ пороковъ и не избавляется отъ нихъ. И проновѣдуютъ часто юные граждане то, что

прямо дико, исповѣдуютъ и проводятъ въ жизнь такіе принципы, которые преступны съ христіанской точки зрѣнія, возмутительны съ точки зрѣнія общекультурныхъ понятій. Возьмите хотя реализацію свободной любви, которую на всѣ лады воспѣли поэты и беллетристы, забывшіе свое настоящее призваніе или сознательно вносящіе отраву въ общество.

«Отцы» не пользуются авторитетомъ. Надъ ихъ проповѣдью глумятся. И чѣмъ ниже среда, тѣмъ грубѣе это глумленіе, тѣмъ замѣтнѣе рознь. Какъ правъ публицистъ, говоря, что надо дойти до душевной одичалости, чтобы видѣть въ отцѣ или матери не самое родное и близкое, но сознательно встать къ нимъ въ жестоко-теоретическое отношеніе, какъ только къ представителямъ «смѣняющагося поколѣнія»; сколько безсердечности и расчетливости мелкихъ торгашей въ этомъ подведеніи балансовъ современной философіи отношеній между родителями и дѣтьми: отцы, забываясь о дѣтяхъ, доставляя имъ образованіе, трудясь для нихъ, только-де выплачиваютъ свой долгъ передъ своими отцами въ лицѣ дѣтей.

Я только-что прочелъ въ купѣ при тускломъ свѣтѣ фонарика статью неизвѣстнаго автора, и онъ говоритъ, что, связавъ самостоятельное творчество своей мысли, мы не вносимъ въ русскую культуру ничего своего, жизненно-мудраго, сильнаго яркою правдою, нажитой изъ нашей русской жизни. Все чужое и напрокатъ. И немудрено, что такъ безсильна наша общественно-культурная мысль; литературно-общественное просвѣщеніе въ его господствующемъ теченіи, слѣдуетъ сознаться, болѣе сильное у насъ, нежели воспитательно-просвѣтительное вліяніе школы,—душить творческій разумъ, замѣняя безпристрастную логику навыками партійнаго мышленія, анализъ—догматическимъ подсказываніемъ заранѣе принятыхъ выводовъ, понижая высшіе интересы просвѣщенія, науки, искусства до уровня ближайше-полезнаго и вседоступно безъ труда достижимаго, и весь смыслъ духовнаго развитія человѣчества въ его историческомъ процессѣ низводя до степени достижимаго мелкаго спокойствія и довольства физиологическаго рода. Прогрессисты наиболѣе господствующаго въ наше время типа вѣруютъ только въ цѣлительность всесторонней внѣшней регламентаціи мысли, дѣятельности, чувства, фатально забывая, что обиліе внѣшнихъ регулятивныхъ нравственныхъ и правовыхъ нормъ указываетъ на незрѣлость и безжизненность внутреннихъ законовъ, которые одни только и ручаются за крѣпость общественнаго порядка, права и добрыхъ нравовъ.

На захудалой бездушной почвѣ разрослись жестокія, настойчиво-повелительныя ученія, основанныя на крайне ограниченномъ кругозорѣ, за узкими предѣлами котораго осталась незамѣченной вся самая напряженная и высшая жизнь духа. Крайняя банальность увѣнчивающихъ идеаловъ социалистическихъ ученій, которые являются единственнымъ вдохновеніемъ современной реформаторской мысли, выдаетъ съ головою все ничтожество въ нихъ ду-

ховныхъ интересовъ и полное непониманіе душевной, наиболѣе глубокой стороны всей предшествующей исторіи человѣчества, у современныхъ фанатиковъ социалистической идеи. Они не желаютъ считаться ни съ вѣрованіями и святынями народовъ, ни съ религиозно-культурными понятіями и нравственнымъ строемъ исторически развивающейся жизни; съ упорствомъ недалекихъ умовъ они требуютъ, чтобы всѣ вручили имъ свою судьбу и повѣрили на слово, они уже сумѣютъ выдрессировать людей ради общаго блага.

И находились и находятся люди, преимущественно юноши и женщины, легко отказывающіеся отъ того дорогого счастья, которое давала каждому человѣку прежняя болѣе глубокая духовная культура: вѣрить, любить, надѣяться, молиться и не унывать, живя съ Богомъ. Стремленіе сравнять всѣхъ въ общемъ типѣ средняго и экономически средне устроеннаго человѣка съ ничтожествомъ душевныхъ порывовъ и, главное, исполнѣ спокойнаго (вѣдь социализмъ еще болѣе боится безпокойныхъ пытливыхъ людей)—приводить къ обидному приниженію идеала человѣка, ибо идеаль въ разумѣ, свободѣ и безсмертіи духа: свободный духъ не мерцаетъ, но горитъ полнымъ свѣтомъ.

Духъ фантастическаго государства социалистовъ—безпримѣрная въ исторіи тиранія. Социалистическія утопіи не могутъ представить себѣ сколько-нибудь крѣпкой организациі общества, не опираясь на грубѣйшій принципъ подавленія личности, подавленія ея свободы любить и вѣрить, какъ лежитъ къ тому сердце. Власть въ социализмѣ—не свобода разума и сердца, какъ обольщаютъ юношей и дѣвицъ, ибо свобода разума не допускаетъ деспотизма. Ратуя за свободу, социалисты хотятъ отнять у человѣка ту свободу, которая теперь всегда, при всѣхъ условіяхъ жизни, при немъ: свободу мысли, свободу совѣсти, свободу жизни и дѣятельности. Социализмъ—это крайній, худшій деспотизмъ. Теоретики социализма этого не замѣчаютъ, ибо каждый изъ нихъ рабъ въ душѣ, весь насыщенный велительными, внушенными чужими идеями».

И вотъ подъ этими-то внушенными идеями воспитывается и живетъ наше юношество; удивляться ли, что иные дошли до того, что готовы отказаться отъ родины, считая мнимую свободу выше родины.

Предо мною № «Нов. Врем.». Тамъ В. Розановъ (способный иногда высказывать вѣрныя мысли, при своей общей сумбурности въ мышленіи) не можетъ безъ ужаса и даже негодованія подумать, что еще недавно восемь десятыхъ, а теперь все же половина русскаго образованнаго общества разсуждаетъ о Россіи, о ея судьбѣ и будущемъ, думаетъ велительно и требовательно подъ угломъ схемъ и мысли, данной изъ Берлина Марксомъ.

— Мы европейцы. Ничего русскаго мы не признаемъ,—говорятъ многія дѣвушки.

Думаютъ по программѣ.

Это ужасный фактъ, что къ иноземцамъ, перестраивающимъ Русь, перебѣжали русскіе и встали къ своей родинѣ въ положеніе предателей, измѣнниковъ, ведущихъ врага на ея стѣны. Марксисты признаютъ Русь только при марксистскомъ строѣ. Иначе они ее, родину, ненавидятъ.

Цитирую далѣе цѣликомъ :

«Если и меньше половины общества примыкаетъ къ тому лозунгу, то зато примыкаетъ самая молодая его часть, свѣжая, наивная, надѣющаяся и въ которой невольно положена «надежда» Россіи, по возрасту ея. Марксъ оставилъ корни и стволъ русскимъ и снялъ плодъ дерева, его цвѣтъ.

— Но,—скажутъ,—Евангеліе также приняла Россія, и вообще есть истины «универсальныя».

Сравнили Евангеліе съ Марксомъ! Евангеліе говоритъ человѣку, Марксъ говоритъ мелочной лавочкѣ; Евангеліе занимается всѣмъ человѣкомъ, марксизмъ—его кошелькомъ. Не Евангеліе вошло въ Россію, а Россія вплыла въ Евангеліе, какъ что-то болѣе широкое, дѣйствительно универсальное. Ни Россія, ни Европа, ни весь человѣческій духъ не задыхается въ Евангелии, ему тамъ не тѣсно, ибо какъ можетъ быть тѣсно отъ лозунга: «становись лучше»? Но Марксъ считаетъ въ карманѣ рабочихъ и заводчиковъ, онъ основалъ цѣлую систему человѣческой жизни на приходо-расходной книжкѣ и приглашаетъ меня стать такимъ же ростовщикомъ (денежникомъ), какъ онъ самъ. Это—петля: петля на шею всякаго свободнаго человѣка, который не хочетъ жить рублемъ! Онъ къ этому тянетъ не отдѣльнаго человѣка, а систему отношеній, строй общества, т. е. подчиняетъ меня, какъ лицо, своему кошельку и приходо-расходной книжкѣ. Я могу на это отвѣтить только ударомъ, а не разсужденіемъ. Потому что суть марксизма въ ударѣ, а не въ разсужденіи.

«Истинѣ» или «не истинѣ» въ его разсужденіяхъ я противопоставляю совершенно другую категорію—«родного» и «не родного». Молодая часть общества, его «цвѣтъ», его «надежда» никакъ не могла становиться на его сторону потому, что это есть для Россіи «не родное», а она—цвѣтъ и плодъ—выросла изъ русскаго ствола и корня и естественно должна завершить ихъ, имѣть «вкусъ этого дерева», «сокъ этого дерева», и—никакого другого. Конкретностями, частностями она можетъ быть недовольна. Никакое дерево не совершенно. Но самое недовольство должно быть русскимъ, а не берлинскимъ, т. е. корениться въ опредѣленной русской боли, исходить изъ указамя на опредѣленные русскіе непорядки и вообще быть русскою работою на русской почвѣ. Тогда какъ марксизмъ весь есть литературное впечатлѣніе и коренится на литературной впечатлительности читателей: недаромъ онъ и «пропагандируется», недаромъ «читаются книжки»...

И «быть Русскимъ» стало черной судьбою для нашей интеллигенціи: она несетъ ее какъ бремя, какъ несчастье. Вся ея работа

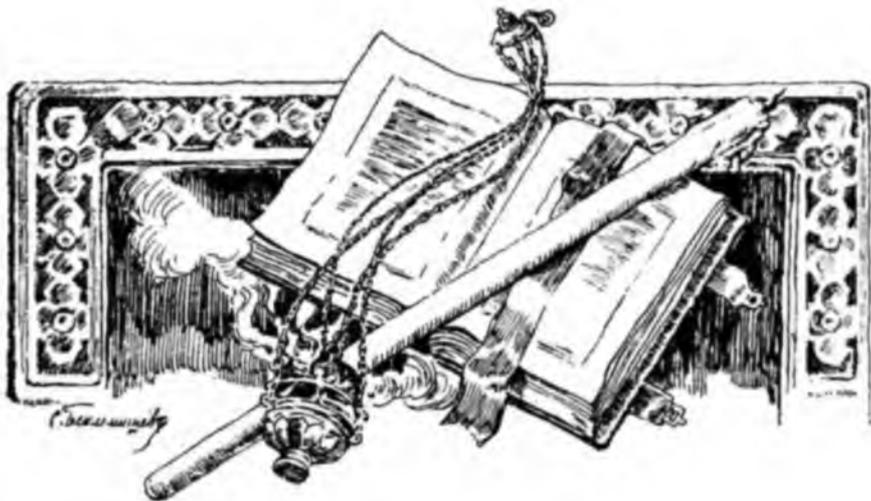
уходить на отрицание, на разрушение: чѣмъ выше одушевление, тѣмъ работа разрушительнѣй и «блага» въ общемъ итогѣ становится меньше. Большая сила пороховъ: рветъ скалы. Да. Но ни единого пригорочка не можетъ насыпать, ни единой горы воздвигнуть, создать ни единого украшения земли. Въ такое-то положеніе чернаго разрывающаго пороха стала интеллигенція въ русской землѣ: безъ способности что-нибудь сотворить.

Вникните глубже во все это и вы разгадаете многое, кажущееся непонятнымъ. Но развѣ васъ не охватываетъ ужасъ? Скорбь? Не скажете сами себѣ: «Надо же начать отчаянную борьбу съ этой ложью и спасти тѣхъ, кто является русскою надеждою»?

Да, не надо бояться борьбы, на примѣръ, съ такими писателями, которые оскорбляютъ родину съ наглостью ренегата и врага народа, его вѣры. Надо предотвратить полный разрывъ народной массы съ образованной частью народа, уберечь народъ и юношество отъ отравы ученіемъ, которое несутъ рабы чужой идеи. готовые въ своемъ безуміи нанести смертельный ударъ родинѣ

А. Басовъ.

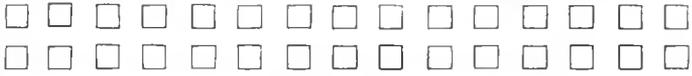

АРХІЕПИСКОПЪ НИКОЛАЙ И ПРАВОСЛАВІЕ ВЪ ЯПОНІИ.

„Идите по всему міру и проповѣдуйте
Евангеліе всей твари“.

Это повелѣніе, данное Спасителемъ Своимъ ученикамъ, является повелѣніемъ и для всѣхъ христіанъ. Обладая истинною, горя любовію, христіане стараются приобщить иновѣрные народы къ познанію Божественнаго Откровенія, принесеннаго на землю Иисусомъ Христомъ. Они идутъ во всѣ страны, — чтобы научить всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, наставляя ихъ соблюдать все, что повелѣлъ Господь. И чѣмъ горячѣе вѣра, тѣмъ беззавѣтнѣе служба, тѣмъ пламеннѣе проповѣдь и рѣшительнѣе готовность даже пострадать и умереть за имя Христово. Справедливо говорить о Восторговѣ (изъ доклада-чтенія котораго я буду много цитировать далѣе при ознакомленіи съ православіемъ въ Японіи), что „напряженностью миссіонерскихъ интересовъ можно опредѣлить живость и крѣпость церковной жизни и церковнаго сознанія того или иного народа. И потому-то равнодушіе русскаго образованнаго класса къ дѣлу миссіи нашей Церкви — не похвала для этого общества“.

Но въ дѣлѣ евангельской проповѣди не была нерадива и безучастна вѣрующая Русь, давшая и дающая великихъ подвижниковъ, пламенныхъ учителей-проповѣдниковъ и рев-

Высокопреосвященный Николай,
архієпископъ Японскій.

ностныхъ апостоловъ. Безвѣстные монахи и пастыри — смиренные, не ищущие земной славы,—шли въ глухія страны и просвѣщали языческія племена, „убѣляя костюмы своими необозримыя равнины сѣверной и восточной Европы“. Нельзя даже перечислить имена всѣхъ безвѣстныхъ благовѣствователей Евангелія; но кому изъ интересующихся церковною исторіей родины неизвѣстны такіе апостолы-миссіонеры, какъ Θεодоритъ Кольскій, Трифонъ Печенгскій, Стефанъ Пермскій, Трифонъ Вятскій и — въ близкія къ намъ времена — Иннокентій Камчатскій, Макарій и Діонисій на Алтаѣ и въ Якутской области!

Недавняя война съ Японіей обратила общее вниманіе на эту страну, и въ тѣ печальные дни для многихъ русскихъ, равнодушныхъ къ миссіонерской дѣятельности нашей Церкви, впервые прозвучало имя русскаго архипастыря Николая, уже много лѣтъ несущаго великій апостольскій подвигъ въ Японіи. Болѣе живые, въ мірской суетѣ невольно заглушившіе въ себѣ высшіе запросы духа, но не отколовшіеся совсѣмъ отъ Церкви и не вполнѣ равнодушные къ распространенію православія, — заинтересовались дѣятельностью нашей миссии въ Японіи и самою личностью святителя Николая, пріобрѣтшаго такую любовь среди своей новой пасты. Явились вопросы: Много ли въ Японіи православныхъ? Какъ они живутъ? Какъ шло и идетъ миссіонерское дѣло въ Японіи? Эти вопросы задавались и намъ нашими подписчиками, изъ которыхъ многіе просили помѣстить въ журналѣ портретъ архіепископа Николая; послѣднее желаніе исходило уже отъ имѣющихъ нѣкоторое представленіе объ апостольской дѣятельности архипастыря и питающихъ къ нему чувство глубокой любви. Два іерея — наши подписчики — особенно настоятельно просили насъ познакомить публику съ дѣятельностью русской миссии въ Японіи и отмѣтить заслуги того, кто является въ странѣ языческой лучшей нашей похвалой и побѣдой и доблестнымъ представителемъ православія. Мы сами давно питаемъ благоговѣйное чувство къ апостолу православія на языческомъ Востокѣ и охотно откликаемся на желаніе и запросы читателей, принося глубокую благодарность всегда отзывчивому о. протоіерею Восторгову, приславшему намъ карточку арх. Николая, снимки съ православныхъ храмовъ въ Японіи и свой интересный докладъ съ правомъ широкаго пользованія имъ. Мы счастливы возможностью добавить, что недавно получили изъ Японіи теплое письмо отъ самого архіепископа Николая въ отвѣтъ на высланный ему сборникъ нашихъ статей объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ, котораго такъ глубоко чтитъ доблестный архипастырь. Говоря о православіи въ Японіи по докладу о. Восторгова, мы почтительнѣйше просимъ архипастыря Православной Японской

Церкви не оставить насъ въ будущемъ сообщеніями о жизни и дѣятельности миссіи, дабы мы могли дѣлиться ими съ подписчиками, среди которыхъ, къ нашей несказанной радости, состоитъ и тотъ, чье имя такъ дорого для каждаго православнаго — не только въ Японіи, но и въ Россіи.

Впервые христіанство занесено въ Японію въ XVI вѣкѣ. Глубоко знаменателенъ такой фактъ. Кто-то изъ пассажировъ европейскаго корабля, уходившаго изъ Японіи, случайно уронилъ въ воду Евангеліе. Книга долго плавала около берега и обратила на себя вниманіе гулявшихъ знатныхъ японцевъ. Они приказали достать изъ воды книгу, но не могли ее прочесть, такъ какъ не знали языка, на которомъ она была написана. Случайно также они узнали, что эта книга переведена на китайскій языкъ. Они достали переводъ и заинтересовались книгой. Къ нимъ присоединились другіе, и скоро образовался кружокъ, изъ среды котораго и явились первые христіане, отозвавшіеся на проповѣдь европейскихъ католическихъ миссіонеровъ, прибывшихъ въ Японію. На христіанъ было воздвигнуто гоненіе и они тысячами погибли въ морѣ и въ жерлъ вулкана, куда ихъ бросали за измѣну вѣрѣ предковъ. Японцы-язычники заявили европейцамъ: „Пока солнце освѣщаетъ землю, пусть не одинъ христіанинъ не является въ Японію“.

Но безстрашные Христовы ратники шли опять съ проповѣдью и, погибая, бросали въ почву язычества сѣмена евангельскаго ученія. И они взошли и дали добрый плодъ...

Православные миссіонеры появились въ Японіи только въ XIX вѣкѣ. Въ 50-хъ годахъ Японія открыла для европейцевъ свои порты. Съ этого времени усилилась въ Японіи христіанская проповѣдь, и въ 60-хъ годахъ минувшаго столѣтія въ Японію отправился русскій миссіонеръ молодой академикъ іеромонахъ о. Николай.

Въ Японіи въ то время не было еще ни одного православнаго.

На своемъ пути въ Японію о. Николай встрѣтился въ г. Николаевѣ съ маститымъ архіепископомъ Иннокентіемъ, который благословилъ молодого миссіонера на его апостольскій подвигъ и далъ не мало добрыхъ совѣтовъ, опираясь на свой долготѣнній опытъ.

О. Николай прибылъ въ г. Хакодате и въ теченіе десяти лѣтъ состоялъ собственно въ распоряженіи русской дипломатической миссіи и ея консульства. Онъ ревностно принялся за изученіе японскаго языка, которымъ овладѣлъ такъ, что нынѣ признается самими японцами однимъ изъ

основательнѣйшихъ знатоковъ его. Помимо учителей онъ для изученія языка ходилъ слушать проповѣди жрецовъ. Ему также много помогли такъ называемые „разказчики“, составляющіе въ Японіи особую профессію. Эти разказчики въ народныхъ собраніяхъ публично произносятъ рѣчи, читаютъ свои произведенія. Посѣщеніе этихъ собраній не только много помогло о. Николаю въ изученіи языка, но и познакомило съ народными міровоззрѣніями, съ идеалами, религіей, — такъ сказать, открыло и объяснило „душу“ японскаго народа. Ознакомившись уже достаточно съ японскимъ языкомъ, о. Николай принялся за переводъ на этотъ языкъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, помня слова Кирилла и Меодія, — что „проповѣдовать безъ книгъ все равно, что писать на водѣ“.

Крайне интересны и поучительны первые успѣхи молодого миссіонера. Русскій консулъ въ Хакодате, — говоритъ въ своемъ докладѣ о. Восторговъ, — нанялъ учителя фехтованія для своего сына. Ему рекомендовали нѣкоего японца Савабе, какъ человѣка, весьма опытнаго въ этомъ искусствѣ. Савабе собственно служилъ жрецомъ синтоистскимъ; онъ отличался самомнѣніемъ и пропитанъ былъ нескрываемою ненавистью къ иностранцамъ. Что-то угрюмое и злобное лежало въ его душевномъ складѣ. Встрѣчаясь съ о. Николаемъ у консула, онъ всегда выказывалъ по отношенію къ нему особую злобу; съеживая и безъ того всю маленькую фигурку свою, онъ проходилъ всегда мимо о. Николая какъ-нибудь бокомъ, чуть не скрежеща зубами и бормоча про себя ругательства. Разъ о. Николай рѣшился спросить его: „За что ты на меня такъ сердить?“ Савабе отвѣчалъ: „Васъ, иностранцевъ, нужно всѣхъ перебить. Пришли вы сюда выглядывать землю нашу. А ты, — злобно прибавилъ Савабе, — ты съ своею проповѣдью больше всего повредишь Японіи“. О. Николай, встрѣчаясь при консульствѣ съ Савабе, вступалъ все чаще и чаще въ разговоры съ угрюмымъ жрецомъ. „Да знаешь ли ты какое христіанское ученіе, если осуждаешь его?“ — спрашивалъ миссіонеръ. Савабе долженъ былъ признаться, что ничего не знаетъ о христіанствѣ и ненавидитъ его только за то, что оно — религія иностранная. „А развѣ справедливо судить и ненавидѣть то, чего не знаешь?“ — говорилъ о. Николай. — Ты сначала выслушай, да узнай, а потомъ, если увидишь, что хуже, и осуждай насъ, прогоняй изъ Японіи христіанъ. Тогда ты будешь по крайней мѣрѣ справедлив“.

— Ну говори, — коротко и злобно сказалъ Савабе. Миссіонеръ радъ и тому, что его захотѣли хоть слушать. Рѣчь полилась о Богѣ, о душѣ, о грѣхѣ, о безсмертіи. Начались вопросы и споры со стороны Савабе; языческій жрецъ видимо заинтересовался христіанскимъ ученіемъ сначала какъ

совоприсникъ, потомъ какъ любознательный, затѣмъ какъ испытующій истину, наконецъ, и какъ плѣненный красотой и внутреннею силою этой истины. Не знаешь, гдѣ найдешь: это часто приходится испытывать и въ дѣлѣ мисси, какъ и вообще въ жизни. Савабе стали увлекаться христіанствомъ и съ захватывающимъ интересомъ читали Евангеліе. Самъ онъ рассказывалъ потомъ о себѣ: „Открыто читать эту книгу я не могъ, а читать хотѣлось. Вотъ я и выдумалъ читать въ то время, когда совершалъ службы въ своемъ „міа“, т.-е. въ синтбитскомъ языческомъ храмѣ. „Положишь предъ собою Евангеліе вмѣсто богослужебной языческой книги, да и читаешь, постукивая въ обычный барабанъ. Никто и не думаетъ, что я читаю иностранную ересь“. Благодарить Божія все болѣе и болѣе плѣняла сердце Савабе. Но какъ креститься? А семья? А доходы жреца—единственное пропитаніе его самого и жены, и дѣтей? А публичная измѣна народной вѣрѣ и притомъ со стороны ближайшаго служителя? Долго и много пришлось бороться Савабе, пока, наконецъ, совершилось надъ нимъ великое таинство крещенія, и онъ вошелъ въ жизнь духовную и новую, въ царство Божіе. Пророчески-знаменательно о. Николай даетъ ему въ крещеніи имя Павла въ честь великаго апостола, который нѣкогда изъ гонителя христіанства Савла сдѣлался самымъ ревностнымъ его служителемъ и пронесъ благовѣстіе о Христѣ по всему міру. Изъ языческаго жреца Савабе также сталъ ревностнымъ проповѣдникомъ христіанства, а потомъ и священникомъ. До самаго послѣдняго времени онъ, уже престарѣлый іерей при храмѣ Воскресенія въ Токио, управлялъ на правахъ какъ бы помощника епископа Николая нѣсколькими христіанскими общинами.

Проповѣдь христіанства Павелъ Савабе началъ съ одного друга своего, врача. Долго онъ мучился. Не разъ, поставленный втупикъ возраженіями друга, онъ въ отчаяніи прибѣгалъ къ о. Николаю съ просьбой разъяснить ему сомнѣнія и недоумѣнія. Повеселѣвъ, съ новымъ запасомъ свѣдѣній, онъ бѣжалъ къ своему собесѣднику и, чрезъ нѣсколько дней спустя, снова являлся передъ своимъ духовнымъ отцомъ разбитый, унылый, подавленный; опять бѣжалъ Савабе къ пріятелю, и вотъ, наконецъ, пришли они къ о. Николаю оба—Савабе и его другъ, врачъ Сакаи. Этотъ тоже крестился и получилъ въ крещеніи имя Іоанна; онъ также сдѣлался свѣточемъ христіанства въ Японіи. Евангельская истина произвела въ немъ переворотъ глубочайшій и рѣшительный: онъ сразу оставилъ всѣ свои слабости, всѣ привычки язычника и послѣ крещенія сталъ подвижникомъ.

Это были первые успѣхи о. Николая въ Японіи. Горько, больно и обидно знать, что его дѣлу мѣшали, главнымъ образомъ, не язычники-туземцы, а тѣ свои родные, предста-

вители православной Россіи въ языческой Японіи, отъ которыхъ въ служебномъ отношеніи зависѣлъ о. Николай и отъ которыхъ онъ могъ и долженъ былъ ожидать только сочувствія и поддержки. Какъ ни горько, а нужно сознаться, что православные миссіонеры и въ Китаѣ, и въ Палестинѣ, и въ Америкѣ вездѣ встрѣчали со стороны дипломатическихъ представителей нашихъ однѣхъ препоны. Всего три года назадъ я и самъ видѣлъ это собственными очами въ одномъ изъ сосѣднихъ съ Россіей государствъ... Довольно сказать, что о. Николая какой-нибудь русскій консулъ часами держалъ въ передней, отдавая его на униженіе предъ язычниками, и немедленно выбѣгалъ съ распростертыми объятіями, когда ему докладывали, что консула русскаго удостоилъ посѣщеніемъ языческій бонза... Впрочемъ, опустимъ завѣсу передъ этимъ нашимъ позорищемъ: что было, прошло; будемъ надѣяться, что по крайней мѣрѣ не повторится.

Въ 1870 году о. Николай выходитъ изъ состава нашего дипломатическаго посольства въ Японіи и съ разрѣшенія Св. Синода открываетъ особую самостоятельную японскую православную миссію. Съ этого-то времени успѣхъ православія въ этой странѣ начинаетъ сказываться особенно замѣтно и быстро. Миссія скоро раздѣляется: о. Николай переноситъ свою дѣятельность въ Токио, а въ Хакодате онъ оставляетъ іеромонаха Анатолія изъ русскихъ, присланнаго къ нему помощникомъ. Отецъ Анатолій, впоследствии архимандритъ, нынѣ покойный († 1893 г.), пріобрѣлъ глубокую любовь японской паствы и особенно заботился о воспитаніи дѣтей въ христіанствѣ. Въ Хакодате онъ открылъ для этого прекрасную школу. Въ ней онъ главнымъ образомъ дѣйствовалъ и воспитывалъ дѣтей своею необыкновенною искренностью и любовью. Разъ онъ зашелъ въ школу и вдругъ горько заплакалъ. Оказалось, что на стѣнѣ дѣти изобразили неприличные рисунки. Эта картина плачущаго учителя-священника глубоко потрясла дѣтей и произвела на нихъ благотворное влияние. Православные японцы выразили желаніе воздвигнуть памятникъ о. Анатолію въ Токио въ оградѣ русскаго храма.

О. Николай, перенесши проповѣдь въ Токио, также не остался одинокимъ; онъ сразу же нашелъ здѣсь до 70 слушателей и послѣдователей. Мало-по-малу стадо православныхъ сыновъ Японіи сплотилось около этихъ самоотверженныхъ проповѣдниковъ, терпя нужду, притѣсненія и лишенія, но горя вѣрою и высокимъ воодушевленіемъ. Правительство недружелюбно относилось къ православнымъ: Павелъ Савабе, уже возведенный въ санъ священника, былъ брошенъ въ тюрьму за проповѣдь православія; освободившись оттуда, онъ все-таки поддерживалъ сношенія съ

заклученными въ тюрьмѣ христіанами и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалъ и свою проповѣдническую дѣятельность, избравъ для этого одну старую и темную кладовую близъ кумирни. Не въ лучшихъ условіяхъ приходилось трудиться и о. Николаю. Долго терпѣлъ онъ всякія лишенія. „Представьте себѣ,— писалъ онъ,— комнату на чердакѣ, по точнѣйшему измѣренію 11 кв. футовъ, и въ этой-то комнатѣ, высотой немного болѣе 2-хъ аршинъ, происходило обученіе 20 чело-вѣкъ Закону Божію. Сидѣтъ — уже не спрашивайте, какъ

Соборъ Воскресенія въ Токио.

сидѣтъ. Къ счастью есть еще два окна, одно наискось дру-гого; если благотворная природа посылаетъ вѣтерокъ, то и ничего, а нѣтъ теченія воздуха — духота нестерпимая. Вни-маніе съ трудомъ связываетъ мысли, самое горло отказы-вается служить... И слушателямъ плохо... Что дѣлать? Увы, и лѣтомъ и зимою, круглый годъ будетъ то же неудобство для проповѣди“.

Однако и при такихъ условіяхъ дѣло проповѣди про-должалось весьма успѣшно.

Постепенно увеличивалась паства; явилась и помощь денежная изъ Россіи отъ Святѣйшаго Сѹнода, отъ всероссійскаго миссіонерскаго общества и отъ московскихъ благотворителей. Открылась возможность приобрести все нужное для богослуженія, строить небольшіе храмы, издавать нужныя книги. Остальное сдѣлала святая и горячая ревность о. Николая, возведеннаго въ 1880 году въ санъ епископскій.

Къ началу настоящаго столѣтія православныхъ японцевъ насчитывалось 26,000. У нихъ нѣсколько приходовъ, учебныхъ заведеній, организована переводческая и литературная дѣятельность. Все это достигнуто трудами нашего православнаго апостола-миссіонера, съ молодыхъ лѣтъ всю свою жизнь посвятившаго евангельской проповѣди въ Японіи *).

Внутреннее устройство Японской православной церкви имѣетъ нѣкоторыя особенности сравнительно съ русской церковной жизнью. „Эти особенности, — говоритъ о. прот. Восторговъ, — вызываются миссіонерскими нуждами Японіи. Проповѣдью христіанства занимаются *катехизаторы*, люди не священнаго сана; они служатъ помощниками священниковъ и обыкновенно разъѣзжаютъ отъ одной общины къ другой. Почти всѣ они люди семейные и содержатся частью

*) Вотъ данныя о православной мисси въ Токио (къ 1-му января 1901 года): церковныхъ общинъ 257, православныхъ христіанъ 25,994 (съ тѣхъ поръ это число увеличилось); священно-служителей—36, въ томъ числѣ 1 епископъ; игуменъ 1, священниковъ 28, диаконовъ 6; изъ нихъ русскіе— епископъ, игуменъ, 1 священникъ и 1 диаконъ, — всѣ остальные японцы; причетниковъ-учителей церковнаго пѣнія было 15; проповѣдниковъ — 150. Крещено въ продолженіе года 1,099 человекъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ православной мисси въ Токио состояло: въ училищѣ для катехизаторовъ 9 учениковъ; въ семинаріи 62, въ женскомъ училищѣ 77 ученицъ. Учащихъ въ этихъ заведеніяхъ было 33; изъ нихъ 4 наставника съ академическимъ образованіемъ (см. Отчетъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѹнода за 1900 г., стран. 256). Ө школѣ въ Хакодате свѣдѣній не доставлено, равно и другихъ школахъ, содержимыхъ миссіей. При мисси состояло особое общество переводчиковъ религіозныхъ книгъ; здѣсь было 8 переводчиковъ и 2 редактора периодическихъ изданій, изъ которыхъ одно носитъ названіе „Сейкѳо-Симпо“, т.-е. „Православный Вѣстникъ“, выходящій два раза въ мѣсяцъ, а другое ежемѣсячное изданіе называется „Ураниски“, т.-е. „Скромность“, — журналъ, издаваемый при женскомъ училищѣ. Переводовъ богослужебныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ издано въ теченіе 1900 года 10, оригинальныхъ книгъ и брошюръ на японскомъ языкѣ 25. Изданъ также нотный сборникъ четырехголоснаго пѣнія праздниковъ. Дѣятельность мисси сосредоточена въ Токио, въ Хакодате, Нагасаки, въ послѣднее время устроены храмъ въ Кіото; общины православныя разбросаны по всей странѣ. Въ дополненіе къ сказанному относительно переводческой дѣятельности православной мисси необходимо упомянуть, что въ теченіе послѣдняго десятилѣтія на японскій языкъ членами мисси нашей переведены съ русскаго такія капитальныя и весьма важныя сочиненія, какъ „Толковое евангеліе“ епископа Михаила, „Очерки догматическаго православнаго ученія“ протоіерея Фаворова, „Христіанская Апологетика“ Рождественскаго, „Инославныя исповѣданія“ протоіерея Иванцова-Платонова, „Житіе святыхъ“ и друг. книги, не говоря уже, конечно, о книгахъ Священнаго Писанія и богослужебныхъ. Нынѣ переведены соч. о. Іоанна Кронштадтскаго.

на средства миссіи и частью получаютъ отъ приходоѡвъ. Проповѣдническія бесѣды катехизатороѡвъ очень оживленны. На этихъ бесѣдахъ присутствующіе язычники дѣлаютъ возраженія, возникаютъ горячіе споры. Многие знатные японцы призываютъ къ себѣ на домъ катехизатороѡвъ. Интересъ къ православію растетъ, и истина пробиваетъ себѣ путь, проникая въ умы японцевъ и овладѣвая ихъ сердцами. Конечно, не мала и ненависть ярыхъ язычниковъ, отъ которыхъ,— несмотря на указъ микадо о религіозной вѣротерпимости,—

Иконостасъ въ храмѣ Воскресенія.

во время войны православный соборъ приходилоо охранять отъ ярости языческой толпы, даже при томъ высокомъ уваженіи, какимъ пользуется архіепископъ Николай въ средѣ всего японскаго населенія.

Отраднo узнать, что токійскій соборъ Воскресенія Христова, выстроенный на средства русскихъ, поражаетъ своей величественностью. Другіе православные храмы въ Японіи, число которыхъ болѣе 25, — невелики и не отличаются такимъ благолѣпіемъ.

Храмъ Воскресенія, вмѣщающій болѣе 1500 человекъ, снабженъ богатой и художественной утварью.

Установилось правило въ японской православной церкви — ежегодно созывать ея дѣятелей на Соборъ. О. Восторговъ сообщаетъ въ своемъ докладѣ: „Для удобства мѣсто засѣданій Собора мѣняется: одинъ годъ, для сѣверной части Японіи, собирается онъ въ Токио, другой годъ, для южной половины, — въ Оосака. Время созванія Собора пріурочивается обыкновенно къ лѣту, къ концу Петрова поста. Засѣданія происходятъ просто и оживленно. Въ церкви у соли ставится столъ, за которымъ садятся епископъ и старшіе священники; на полу, по мѣстному обычаю, садятся прочіе священники, діаконъ, причетники, катехизаторы. Епископъ открываетъ засѣданіе молитвою и пастырскимъ поучительнымъ словомъ, затѣмъ читаются отчеты о состояніи приходоѡвъ, разрѣшаются текущіе вопросы, напримѣръ, объ открытіи новыхъ церквей, приходоѡвъ, благотворительныхъ учреждений, разсуждаютъ о предметахъ проповѣди, о расширеніи миссіонерской

дѣятельности и проч. Занятія обыкновенно начинаются съ утра, прерываются въ полдень на часъ-два, затѣмъ продолжаютъ до вечера. Соборы вносятъ большое оживленіе въ церковную жизнь и способствуютъ сплоченности Церкви между собою.

Прихожане имѣютъ „симбокуквай“, т.е. постоянныя братскія собранія, — родъ нашихъ церковно-приходскихъ попечительствъ. Созываются они разъ или два въ мѣсяцъ; здѣсь

Проповѣдь въ храмѣ.

разрѣшаются различныя дѣла, касающіяся церкви или прихода, произносятся чтенія и рѣчи, обсуждаются вопросы общественнаго характера, собираются взносы прихожанъ на дѣла общины, на содержаніе духовенства. За послѣднее время при многихъ церквахъ стали возникать особые кружки изъ женщинъ-христіанокъ. Ихъ собранія происходятъ по праздничнымъ днямъ. Главное занятіе женщинъ — благотворительность, но онѣ заботятся и объ успѣхѣ проповѣди.

Положеніе православной японской Церкви внѣшне похоже на положеніе первовѣковой христіанской Церкви. Какъ и тогда, японцы-христіане являются маленькимъ островкомъ

среди обширнаго языческаго океана и окружены недоброжелательствомъ, подозрѣніемъ со стороны нехристіанскаго населенія, ненавидимы жрецами и только терпимы властью. Если эти исключительныя условія и не чужды тяжести, то благопріятны въ смыслѣ сближенія, крѣпкой связи между собою христіанъ. Такія же условія въ первые вѣка христіанства давали крѣпость и ростъ созидаемой Христовой Церкви. Японскіе христіане представляютъ изъ себя какъ бы одну большую семью, имѣющую любимаго и уважаемаго отца-настоятеля арх. Николая. Всѣ съ жаромъ стремятся къ богослуженіямъ, которыя вездѣ отправляются вдохновенно пламенными священнослужителями. Особенно благолѣпно совершается богослуженіе въ Токио, гдѣ имѣется большой хоръ изъ православныхъ японцевъ. Христіанскій семейный строй замѣчается и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ миссіей. Сознаніе единства сильно у православныхъ христіанъ, которые чувствуютъ свою духовную связь и съ русскими православнымъ міромъ. Православіе все и всѣхъ объединяетъ. Въ 1888 году, говоритъ о. Восторговъ, когда въ Кіевѣ 15-го іюля праздновалось торжество 900-лѣтія крещенія Руси, японскіе православные христіане откликнулись на русское торжество адресомъ, въ которомъ, между прочимъ, писали: „Въ нашей странѣ есть не мало называющихъ себя христіанами. Мы и наши отцы хорошо наблюдали за ними; одни изъ нихъ и сами не знаютъ, что они къ своему ученію завтра прибавятъ (католики); другіе не знаютъ, что они въ своемъ ученіи завтра убавятъ (протестанты). Только то христіанство, которое принесли къ намъ русскіе, сами взявшие его у грековъ, всегда одинаково безъ прибавленія и безъ убавленія. И мы увѣровали, что оно отъ Христа, „полюбили его“.

О. Восторговъ въ своемъ докладѣ о поѣздкѣ на Востокъ („Міровыя судьбы Россіи и Востока“) даетъ нѣсколько бѣглыхъ штриховъ изъ жизни японской Прав. Церкви, касаясь и „мужа евангельской простоты“, какъ онъ выразительно называетъ маститаго іерарха—архіепископа Николая.

О. протоіерею пришлось принять участіе въ богослуженіи въ соборѣ—именно въ той литургіи, которую совершалъ архіепископъ,

„Вотъ владыка идетъ въ храмъ; встрѣчаютъ его имъ рукоположенные и возведенные въ санъ іерейскій японскіе священники. Что это? Вдругъ весь соборъ огласился стройнымъ и мелодичнымъ пѣніемъ: то поютъ всѣ присутствующіе въ храмѣ. Несется нашъ русскій захватывающій напѣвъ пасхальныхъ пѣснопѣній; плавными звуками разливается „Ангель вопіаше“, выдѣляется мощностью и одушевленной радостью „Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме“... Чуждыя слова, но родной нашъ напѣвъ, и кажется онъ еще болѣе прелестнымъ, воодушевляющимъ, отрѣшеннымъ отъ

привычнаго склада, привычнаго слова. Когда же началась литургія, когда увидѣли мы полный соборъ японцевъ и японкъ, въ самыхъ разнообразныхъ одеждахъ, кончая мундиромъ чиновника, офицера, солдата, когда увидѣли мы это благоговѣніе молящихся, стоящихъ какъ свѣчи японскихъ христіанъ, мы поняли, что сѣмя христіанства здѣсь пало на добрую почву. Потомъ японцы и японки подносили къ Святой Чашѣ своихъ дѣтей, и престарѣлый архіепископъ склонился съ любовью во взорѣ къ этимъ молодымъ побѣгамъ Церкви японской“.

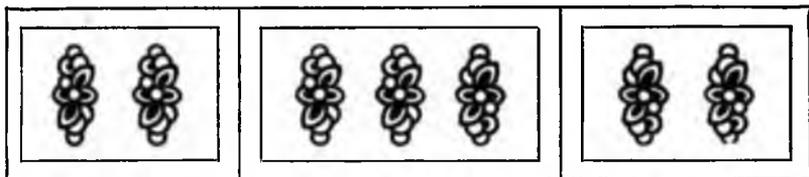
Счастливы тѣ, кто, какъ о. Восторговъ, пережили такіа впечатлѣнія, видѣли великаго іерарха, бесѣдовали съ нимъ. О, какъ бы хотѣлось мнѣ побыть въ храмѣ съ этими новыми, древними по духу, христіанами, поплакать исцѣляющими слезами и получить благословеніе того великаго мужа апостольскаго, который какъ звѣзда горитъ на Востокѣ!.. О, да, Россія отдала Японіи то, что всего дороже для каждаго народа — великаго архипастыря-подвижника. Вѣдь такіе мужи, какъ арх. Николай, о. Іоаннъ Кронштадтскій, Иннокентій-просвѣтитель, вѣдь они—свѣтъ и гордость, а не герои злобнаго освободительнаго движенія, не представители гордой мысли, воюющіе съ религіей, не признающіе христіанскихъ подвиговъ, не понимающіе праведности. Но народъ—не съ этими безумцами... О, какъ бы былъ нуженъ такой архипастырь, какъ архіепископъ Николай, у насъ, здѣсь, въ это тяжелое время, когда смолкъ голосъ кронштадтскаго молитвенника! Но и съ далекаго Востока онъ несетъ намъ укрѣпленіе, ободреніе—тою своею службою, на которую призвалъ его Господь въ языческой Японіи. Тамъ,—вѣримъ мы вмѣстѣ съ уважаемымъ пастыремъ,—„сила христіанства еще разъ скажется (уже и сказывается, можно добавитъ) во всемъ обаяніи и спасительности, еще разъ на глазахъ міра принесетъ обновленіе жизни и докажетъ, что это дерево—не земнаго сѣмени“.

Православіе растетъ и — главное — крѣпнетъ. Возникаютъ новые духовные журналы, переводятся книги. Переводами занять усилленно самъ архіепископъ. Переведена капитальная книга Пентикостаріонъ (служба отъ Пасхи, кончая праздникомъ Троицы), изданъ обиходъ гнѣнія первой и Страстной седмицы Великаго поста. Слѣдуетъ также отмѣтить переводы: Бахметевой (Разказы изъ истории Христовой церкви), Е. Смирнова (Исторія Христ. церкви), соч. о. Іоанна Кронштадтскаго, св. Іоанна Златоуста. Переводится по мѣрѣ возможности все, что признается полезнымъ. Постоянно появляются въ печати оригинальныя сочиненія, принадлежащія христіанамъ-японцамъ. Изъ этихъ послѣднихъ надо указать на двѣ солидныя книги, посвященныя св. Серафиму Саровскому, а также на книги: „Сборникъ религіозныхъ и философскихъ статей“ (П. Ямода), „Религія и красота природы“

(В. Ямода), „Невѣдомый Богъ“, „Объясненіе символа вѣры“ и др. книги. Японскіе христіане очень интересуются русскою церковною жизнью и отзываются на ея событія горячо.

Японская православная церковь восходитъ отъ силы въ силу, и ея положеніе, несмотря на многія скорби, можетъ только радовать наше сердце. Знаменательна и поучительна самая война, не разъединившая православныхъ Россіи и Японіи, но еще сблизившая ихъ духовно. Отдавая кесарю — кесарево, японцы не забывали того, что принадлежитъ „Богови“. И во время войны христіанская проповѣдь не умолкала и имѣла успѣхъ. Народъ, даже въ своемъ патріотическомъ подъемѣ, не могъ не видѣть, что православіе не касается политики, не возстановляетъ народы на ихъ власти и вѣрность Христу не требуетъ измѣны родинѣ. Православные японцы шли сражаться за свое отечество съ русскими, не обрывая своей духовной связи, и умирали, шепча тѣ же молитвы, что и ихъ боевые враги, но братья по Христу и вѣрѣ.

Свѣтла и обаятельна личность престарѣлаго архіепископа Николая, *представительствомъ* котораго достойно и нетщеславно, но добро можетъ гордиться Россія, успѣхамъ котораго она радуется, заслуги чтить. Я говорю о той вѣрующей Россіи, которая *всегда жива*, которая отзывается сердцемъ на нужды далекихъ братьевъ и на лепты которой созданъ великолѣпный соборъ токійскій. Это видимый памятникъ горячей любви и вѣры русскаго народа. Если мало знаетъ народная масса о православныхъ братьяхъ въ Японіи и о жизни и трудахъ подвижника-апостола архіепископа Николая, то причиною этого является то, что для народа и вообще для широкой публики почти нѣтъ сочиненій, которыя знакомили бы съ православіемъ въ Японіи, съ дѣятельностью миссии, съ жизнью архипастыря Николая и другихъ его соратниковъ на нивѣ христіанскаго просвѣщенія. Предлагая эти немногія страницы нашимъ читателямъ, мы обращаемся съ просьбою ко всѣмъ, которые могутъ помочь намъ въ ознакомленіи съ жизнью Православной Японіи. Историческія и бытовыя статьи, рассказы изъ общественнаго и частнаго быта японскихъ христіанъ, — словомъ, *все*, что касается японской православной Церкви и *ея создателей*, руководителей въ живомъ правдивомъ изображеніи, гостепріимно и съ благодарностью будетъ встрѣчено нами. Никогда не должно быть замалчиваемо то, что является свѣтомъ, что можетъ укрѣплять духъ и радовать сердце, — а тѣмъ болѣе нынѣ, въ эти дни мрака и всяческой разрухи у насъ. Если темно здѣсь, пусть оттуда, издалека идетъ свѣтъ, озаряющій и грѣющій. Надо говорить и о великихъ, доблестныхъ служителяхъ церкви Христовой, подвизающихся подвигомъ апостольскимъ, — говорить не ради нихъ, ибо они не ищутъ славы и похвалъ людскихъ, но ради блага тѣхъ, которыхъ они могутъ поучать своей жизнью, служа спасительнымъ примѣромъ.

ВЪ ПАСХАЛЬНУЮ НОЧЬ.

Пасхальная ночь. Вся семья у заутрени. Дома остался старый дѣдъ со внукомъ.

Дѣдъ (*смотря въ открытое окно*).

Полночь близится святая...
Посмотри: небесный сводъ,
Чудесамъ земли внимаю,
Съ нами чуда Пасхи ждеть.
Посмотри: онъ весь сіяетъ
Лучезарной красотой;
Это — небо совершаетъ
Крестный ходъ свой надъ землей.

Внукъ.

Слышишь радостное пѣнье?
То у церкви хоръ слѣпыхъ
О Христовомъ воскресеньи
Ужъ поетъ пасхальный стихъ.

Слѣпцы (*поютъ вдали*).

Торжествуйте купно съ нами:
Христось воскрес!
На крестѣ Распятый
Сокрушилъ сѣнь смерти
Силою длани.
Славимъ нынѣ Сына
Со Отцемъ и Духомъ,
Славимъ вовѣки! *)

*) Изъ «Богосланика»

Дѣдь.

Вотъ и благовѣсть... Пасхальный
 По полямъ несется звонъ.
 А во храмѣ погребальный
 Не замолкъ еще канонъ.
 Но изъ гроба ужъ вѣщаетъ
 Погребенный: „Не рыдай“.
 Царство смерти разрушаетъ
 И зоветъ въ небесный рай.
 Ужъ гласятъ о воскресеньѣ
 Хоры ангеловъ съ небесъ,
 И земля въ благоговѣньѣ
 Вторигъ имъ: „Христось воскресъ!“

(Поеть.)

День святой, день чудесъ —
 Нашъ Спаситель воскресъ, —
 Онъ воскресъ, возсіялъ,
 Міру свѣтъ даровалъ
 И спасеніе.

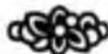
Дѣдь и внукъ *(поютъ).*

И ликуеть народъ,
 И природа поеть!
 И играетъ трезвонъ,
 Возвѣщаетъ и онъ
 Воскресеніе!

Колокола *(звонятъ).*

Воскресенія день,
 Свѣтоносный день!
 Мы играя гласимъ,
 Мы вамъ благовѣстимъ:
 Пасха красная!
 „Мы гласимъ до небесъ:
 Онъ воскресъ, Онъ воскресъ!
 Смерть Онъ смертью попралъ
 И животь даровалъ:“
 Пасха красная!

П. Мироносицкій.

Письмо съ Невскаго берега.

Передъ большими праздниками петербургскія улицы необыкновенно оживляются, и воздухъ оглашается тысячами разнородныхъ звуковъ. Стукъ экипажей, гудки автомобилей и звонки трамваевъ перемѣшиваются съ говоромъ и криками снующихъ людей. Столица — это громадное чудовище — реветъ нутромъ, напоминая о своей прозорливости. Окна магазиновъ нарядно изукрашены и блещутъ разными приманками. Чего-чего только на нихъ не выставлено, начиная отъ грошевой бездѣлушки, кончая драгоценными брилліантами, стоящими цѣлыя состоянія! И все это бьетъ на слабость человѣческую; привлечь вниманіе, соблазнить, вытянуть деньги.

Въ особенности осаждаются колбасныя и мясныя, булочныя и кондитерскія. При полученіи куличей и пасокъ здѣсь происходитъ страшная давка. Публика готова, кажется, растерзать приказчиковъ, которые носятся по магазину сломя голову.

Темнѣеть... Вспыхиваетъ электричество.

Въ домахъ спѣшатъ съ уборкой квартиръ.

Хозяйки хлопочутъ надъ украшеніемъ пасхальнаго стола.

На него ставятъ все, что есть лучшаго. Несутъ на блюдѣ еще дымящійся окорокъ ветчины съ обвитой вокругъ ножки розеткой изъ вырѣзной бумаги. Его помѣщаютъ рядомъ съ куличомъ и пасхою. Ставятъ цѣлую гору разноцвѣтныхъ крашенныхъ яицъ, убравъ блюдо по краямъ зеленымъ мохомъ. Бумажные цвѣты на куличѣ и пасхѣ соперничаютъ съ цвѣ-

тами живыми, размѣщенными среди бутылокъ вина и наливокъ.

Небольшіе куличики и пасхи отдѣляются особо для освященія и завязываются въ салфетку.

Еще не приготовлены закуски и не перемыта посуда.

А время летитъ какъ на крыльяхъ. Небо уже совсѣмъ потемнѣло, и на немъ слабо мерцають звѣзды.

Хозяйки спѣшаютъ еще болѣе и волнуются, боясь не управиться съ дѣломъ. Имъ помогаютъ всѣ домочадцы.

Уличный шумъ достигаетъ высшей степени напряженія. Чудовище-городъ кажется разсерженнымъ и негодующимъ.

Торговцы алчно слѣдятъ за покупателями. Покупатели яростно набрасываются на товаръ, какъ бы желая растащить его остатки.

Въ озабоченную толпу вкрапливается разукрашенный порокъ, назойливо привлекая къ себѣ вниманіе. Онъ ведетъ на буксирѣ ложъ и преступленіе.

А въ темномъ небѣ царитъ тишина. Оно напоминаетъ безмолвный сумракъ могилы.

Храмы одинъ за другимъ начинаютъ иллюминироваться.

Воздухъ пронизываетъ первый ударъ колокола. Онъ дрожить, уносясь въ вышину, гдѣ и замираетъ. Онъ говоритъ нездѣшнымъ языкомъ. Это какъ бы голосъ свыше... Онъ призываетъ къ Небу мятущееся челоѳчество, прилѣпившееся къ землѣ и погрязшее въ мелочныхъ житейскихъ заботахъ.

Услышавшіе этотъ звонъ поспѣшно крестятся и начинаютъ собираться въ церковь. Одѣваются бѣлыя платья и вообще вся лучшая одежда.

Одинокій ударъ колокола подхватывается другими, и начинается благовѣсть къ Свѣтлой Заутрени.

Какъ торжественна эта мѣдная пѣснь, вырывающаяся изъ сотенъ мощныхъ грудей колоколовъ! Ея воздушная мелодія подобна ангельскому хору, славословящему Творца. Это Его Свѣтлая ночь, Его торжество!

Иллюминированные храмы какъ бы ликуютъ.

На Исаакіевскомъ соборѣ по сторонамъ большого купола вспыхиваютъ костры, словно гигантскіе факелы. Огненные языки вмѣстѣ съ дымомъ, колеблясь, устремляются кверху, какъ пламя вѣры. Развѣ наша вѣра не такъ же колеблется отъ сомнѣній?.. Но все же она стремится вверхъ.

Магазины постепенно закрываются.

Нѣсколько порѣдѣла и толпа, хотя праздно снующихъ по улицамъ еще очень достаточно.

Но многіе идутъ и ѣдутъ въ храмы и въ особенности въ Казанскій и Исаакіевскій соборы. Они залиты внутри огнями еще болѣе, чѣмъ снаружи. Въ нихъ тепло сердцу, застывшему въ холодѣ житейскаго моря, обезсиленному борьбой и озлобленному. Тутъ тепло и свѣтъ какъ физическій, такъ и духовный. Оттого-то сюда приходятъ, не смотря на тѣсноту и давку, не только вѣрующіе крѣпко, но также и мало-вѣрующіе. Послѣдніе невольно привлекаются въ смутной надеждѣ получить хоть крупицу благодатнаго ощущенія и успокоенія.

Бродятъ по церквамъ также и любопытные. Они фланируютъ изъ храма въ храмъ, толкаясь и мѣшая другимъ молиться.

Поднялись хоругви и заколыхались въ воздухѣ въ торжественномъ крестномъ ходѣ.

Двери храмовъ затворились, и вскорѣ за ними послышались безцѣнные слова для вѣрующихъ:

„Христось воскресе изъ мертвыхъ!“

Съ напряженнымъ вниманіемъ слушаютъ молящіяся эту радостную вѣсть о побѣдѣ надъ смертью, возвѣщенную изъ тѣсныхъ стѣнъ мрачнаго гроба.

И сердце начинаетъ невольно биться сильнѣе.

Вдругъ двери распахиваются. Торжествующая пѣснь Воскресенія громогласно и широкою волною разносится по всему міру.

— Христось воскресе! — восклицаетъ священникъ.

— Воистину воскресе! — отзывается весь храмъ, какъ одинъ человѣкъ.

— Христось воскресе!

— Воистину воскресе!.. Воистину воскресе! — гудитъ по церкви изъ края въ край какъ морской прибой.

Голоса людей слились въ одинъ мощный побѣдный кликъ.

Будто сами нѣдра земли свидѣтельствуютъ о фактѣ Воскресенія.

Сердце радостно трепещетъ и рвется изъ груди.

Святыя, незабываемыя минуты!..

А. Цвѣткова.

КНИЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1) **Врачъ Н. М. Поповъ.** — *Очерки душевной гигиены.* — *Вып. 1. Религія.* — *Харьковъ. Ц. 65 к. съ пер.*

Передъ нами небольшая книжка въ розовой обложкѣ—цвѣтъ любви—изданная въ провинціи и помѣченная «выпускомъ первымъ». Следовательно, это лишь начало труда. При малоговорящей внѣшности книжка отличается глубиною своего содержанія и оригинальностью проводимаго авторомъ взгляда. Съ проникновеніемъ всюду «улицы» и вліяніемъ толпы на науку и искусство, когда создались для мышленія и творчества готовые трафареты, нарушеніе которыхъ влечетъ за собою чуть ли не нравственную смертную казнь,—встрѣтить взглядъ чуждый шаблона — большая рѣдкость. Только смѣльчакъ, совершенно не боящійся общественнаго мнѣнія, можетъ рѣшиться на это. Лозунгъ его—истина и правда во что бы то ни стало!.. Только у такихъ безстрашныхъ борцовъ за правду и можно найти безпартійную истину. Пародируя классическое изреченіе: *ex oriente lux*,—мы воскликнемъ: изъ провинціи—голосъ правды! Книжка Попова съ первыхъ же страницъ заинтересовываетъ и привлекаетъ къ себѣ. Въ ней разсматривается вопросъ первостепенной важности въ нашъ нервный вѣкъ: о гигиенѣ и профилактикѣ душевнобольныхъ. Смутное время увеличило въ особенности процентъ психическихъ разстройствъ. Въ странахъ даже самыхъ культурныхъ на ряду съ тѣлеснымъ благополучіемъ, съ уменьшеніемъ смертности и увеличеніемъ продолжительности жизни, наблюдается ухудшеніе народнаго здравія въ отношеніи психическихъ заболѣваній. Нѣкоторые ученые утверждаютъ, что благодаря заразительности душевныхъ болѣзней лѣтъ черезъ 500 человѣчеству угрожаетъ повальное сумасшествіе. Въ виду такой страшной возможности естественно задаться вопросомъ: на достаточной ли высотѣ стоитъ вообще психіатрія? И вотъ книжка Попова отвѣчаетъ намъ, что

совершенно нѣтъ. И первая литература обратила на это вниманіе въ лицѣ Боборыкина и Щеглова. Медицина много трактуетъ о гигиенѣ тѣла и слишкомъ мало или, вѣрнѣе, почти ничего о гигиенѣ души.

Лишь недавно два нѣмца—Виндшейдъ и Фуксъ—сдѣлали попытку соединить отрывочныя познанія по психической гигиенѣ въ книгѣ «Профилактика нервныхъ болѣзней и психіатрія». Но рѣчь касается все время гигиены тѣла, а гигиенѣ души отведена самая ничтожная часть: если соединить всѣ разрозненные кусочки по этому предмету, то (по вычисленію автора разбираемой книжки) едва наберется 12 страницъ. А между тѣмъ руководство Виндшейда и Фукса служить учебникомъ для психіатровъ. Но чему же можно научиться у нѣмецкихъ авторовъ, если они въ заключеніи своей книги признаютъ свою несостоятельность въ борьбѣ съ психическимъ недугомъ, говоря: «Въ будущемъ не представляется невозможнымъ, что многочисленныя вырождающіяся съ противоположенными свойствами въ связи съ возрастающимъ избыткомъ населенія вынудятъ государство для собственной защиты и защиты здоровыхъ рѣшиться на мѣры, имѣющія безусловно профилактическое значеніе, но въ настоящее время даже для Америки еще необычныя по своей жестокости». Но вѣдь если безумныхъ отдавать во власть палача, тогда надо упразднить совершенно психіатрію. Развѣ этимъ психіатрія не подписываетъ себѣ приговоръ?.. Недаромъ же специалистъ по душевнымъ болѣзнямъ оказывается въ затруднительномъ положеніи, когда къ нему обращается за помощью человѣкъ, который подъ гнетомъ вѣчныхъ или проклятыхъ вопросовъ очутился у самой границы сумасшествія. Врачъ, въ своей безпомощности, прописываетъ ему игрушечныя средства: трудъ, развлечения, путешествія, мыльный клистиръ, ванны, бромъ и пр. въ такомъ же родѣ. Между тѣмъ нашъ народъ съ духовными недугами издавна обращается къ духовенству и въ особенности черному. И значеніе религіознаго воздѣйствія въ этихъ случаяхъ огромно и констатировано многими авторитетами науки, какъ Пироговъ, Мержеевскій, Флери, Кохъ, Крафтъ-Эбингъ и мн. др. У насъ въ Россіи существуютъ лабораторіи, гдѣ специалисты рабotaютъ надъ исправленіемъ и усовершенствованіемъ души, это—монастыри и особенно общежительные, имѣющіе болѣе строгій уставъ. Аскетика рекомендуетъ исправлять не только пороки и страсти, но даже и странности. Православіе, сохранившее духовную науку для самосовершенствованія и исправленія, въ этомъ отношеніи имѣетъ преимущество какъ передъ католичествомъ (испорченнымъ ролью свѣтскихъ владыкъ), такъ и передъ протестантствомъ (являющимся болѣе нравственной философійей, чѣмъ религіей). Аскетизмъ не только исцѣляетъ душу, но и даетъ познаніе чужой души. Недаромъ же многіе врачи рѣшили собственныя психическія проблемы, отдавъ себя на служеніе церкви, таковы: Лазаревъ (сельскій священникъ), Цвѣтаевъ (архимандритъ),

Оболенскій (епископъ Тихонъ) и мн. др. Это служитъ яснымъ доказательствомъ, что во многихъ случаяхъ религія дѣйствуетъ на душу профилактически. Медицинѣ, по словамъ Попова, слѣдуетъ примкнуть къ такому могущественному союзнику, какъ религія, а не отвергать ее и тѣмъ болѣе не глумиться надъ нею, какъ это показано на случаяхъ съ извѣстнымъ юридическимъ—Корейшемъ и, наконецъ Гоголемъ. Не можемъ не привести сильнаго и трогательнаго примѣра воздѣйствія религіи на душу умиравшаго матроса во время боя на мореходной канонерской лодкѣ «Гилякъ», изъ статьи Усмовича, написанной по «Отчету» врача І. Н. Свѣчникова. Послѣдній описываетъ вторую ночь послѣ боя подъ Таку. «Ночь была тихая и темная. Тихо было въ каютъ-кампани, гдѣ сидѣли дежурные при раненыхъ, помѣщенныхъ въ офицерскихъ каютахъ. Они чутко прислушивались къ стонамъ, не нужно ли кому чего, не надо ли чѣмъ помочь. Былъ тутъ и докторъ. Его просить къ себѣ обожженный Викулинъ. Докторъ подходитъ.—Что, Викулинъ?—«Батюшку бы,—шепчетъ несчастный,—священника. Исповѣдаться бы мнѣ».—Нѣтъ сейчасъ батюшки,—я тебѣ дамъ Евангеліе, а ты молись, читай «Отче нашъ». Дастъ Богъ, тебѣ станетъ легче.—Докторъ приноситъ свое дорожное Евангеліе. Викулинъ беретъ его обожженными руками и крѣпко прижимаетъ къ запекшимся воспаленнымъ губамъ. На его обожженномъ лицѣ наложена маска. Сквозь нее онъ шепчетъ:—Отче нашъ.. иже еси на.. небеси..

Слова произносятся медленно, чуть не каждая буква отдѣльно, и въ каждомъ звукѣ слышится глубокая вѣра и полная покорность Тому, въ Чьихъ рукахъ наши и жизнь и смерть. Когда Викулинъ дошелъ до словъ «да будетъ воля Твоя», докторъ не выдержалъ. У него закипѣло что-то въ груди, на глазахъ навернулись слезы, и онъ вышелъ изъ каюты, а Викулинъ дошелъ до словъ «да будетъ воля Твоя» и остановился на нихъ.—Да будетъ воля Твоя... Да будетъ воля Твоя!.. Да будетъ воля Твоя!..—повторялъ онъ разъ за разомъ, видимо, вдумываясь въ глубокій смыслъ этихъ словъ и все болѣе подчиняясь имъ. Молитва Викулина ясно слышалась и въ каютъ-кампани, гдѣ всѣ дежурные вострепнулись и сидѣли, также всѣ подчинившись молитвенному настроенію страдальца. А онъ все повторялъ и повторялъ:—Да будетъ воля Твоя!..

Какъ будто вспоминалъ свою далекую семью, двухъ дѣтей, что останутся сиротами, вспоминалъ свою жизнь, понималъ близость смерти, и на каждую думу, на каждое воспоминаніе отвѣчалъ:—Да будетъ воля Твоя!

Когда онъ кончилъ, наконецъ, молитву, то поцѣловалъ Евангеліе и сказалъ:—Заснуть бы теперь.

«Мнѣ кажется,—говоритъ Поповъ,— что отношеніе доктора Свѣчникова къ религіи у постели больного должно признать болѣе нормальнымъ, чѣмъ отношеніе къ ней присяжныхъ психіатровъ Виндшейда и Фукса».

Но воздѣйствіемъ религии на душу человѣка медицина не занимается. Въ этомъ ея громадный промахъ.

Мы жалѣемъ, что не можемъ привести изъ книги Попова и другихъ интересныхъ выписокъ, ибо отчетъ и такъ разросся. Но цѣль наша была отмѣтить этотъ выдающійся по своей оригинальности трудъ Попова и указать на него всѣмъ, интересующимся даннымъ вопросомъ. Читатели найдутъ въ книгѣ Попова много для себя интереснаго и полезнаго. Мы же со своей стороны пожелаемъ книгѣ самаго широкаго распространенія.

А. Догановичъ.

2) «Исторія Русско-Японской войны» — М. Е. Бархатовъ и В. В. Функе.

Только недавно пришлось намъ ознакомиться болѣе детально съ этимъ изданіемъ.

Красиво изданные шесть томовъ Исторіи Русско-Японской войны богато снабжены массою иллюстраціи, снимковъ, плановъ театра военныхъ дѣйствій и даютъ читателю наглядную обстановку какъ самой войны, такъ и отдѣльныхъ сраженій.

Большое достоинство изданія—это безпристрастность и популярность изложения.

Невольно переживаешь тяжелую эпопею великой кровавой борьбы за могущество и величіе Россіи на Дальнемъ Востокѣ, просматривая это изданіе; время все излѣчиваетъ, теряется острота впечатлѣній, забываются подвиги героизма и долга передъ родиной, забываются потери, а помнить все это слѣдуетъ и очень слѣдуетъ; ошибки повторяются, личный эгоизмъ отдѣльныхъ лицъ ведетъ иногда цѣлое государство на путь тяжелыхъ испытаний и большихъ потерь, а старые примѣры забыты. Хорошей памяткой можетъ служить для насъ Исторія Русско-Японской войны, довольно ясно рисующая и причины войны и тѣ грустные моменты тяжелыхъ испытаний, которые несла наша многострадальная армія на позиціяхъ далекой Манчжуріи и Квантунскаго полуострова.

Редакторы изданія—М. Е. Бархатовъ и В. В. Функе—удостоены Высочайшей благодарности за изданіе, а само изданіе рекомендовано къ обращенію въ войскахъ Комитетомъ по образованію войскъ.

С.

3) **Руссній Царь съ Царицею на поклоненіи московскимъ святынямъ.**—*Складъ изданія: С.—Петербургъ, Пушкинская, 3.*

Цѣлый рядъ нашихъ неудачъ, два тяжелыхъ года войны съ ея тревогами, волненіями, страшными лишеніями и безконечно ужасными картинами вызываютъ щемящее чувство боли. Явилась новая категорія жертвъ войны, а именно—страдающихъ острой формой нервного разстройства.

За неимѣніемъ лечебницъ (существующія больницы для душевно-больныхъ не принимаютъ больныхъ солдатъ, опасаясь, что совмѣстная жизнь съ окончательно потерявшими разсудокъ только обостритъ ихъ нервное разстройство) больные солдаты возвращаются въ свои деревни, гдѣ родные приковываютъ ихъ, какъ дикихъ звѣрей, на цѣпь; въ острыхъ припадкахъ болѣзни они рвутъ свои цѣпи и рѣжутъ своихъ близкихъ. Необходимость открыть спеціальныя лечебницы для нервно-больныхъ солдатъ дала Гатчинскому отдѣлу состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ Общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ мысль взять на себя святой починъ: обратиться къ русскому народу за помощью для устройства при названномъ отдѣлѣ Общества больницы для нервно-больныхъ, пострадавшихъ на войнѣ солдатъ. Въ редакціяхъ газетъ открылся приемъ пожертвованій, и первую откликнулась армія; къ сожалѣнію, большинство русскихъ людей осталось глухо къ страданіямъ своихъ бывшихъ защитниковъ на полѣ брани. Для болѣе успѣшнаго приобрѣтенія необходимыхъ средствъ на устройство больницы Гатчинскій отдѣлъ выпустилъ въ свѣтъ собственное роскошное изданіе подъ названіемъ «Русскій Царь съ Царицею на поклоненіи московскимъ святынямъ». Это изданіе оставляется г.г. жертвователямъ, какъ памятникъ о совершенномъ ими добромъ дѣлѣ.

Изданіе это служить воспоминаніемъ о 1903 годѣ, когда Его Императорское Величество съ Августѣйшей Семейю молился, по примѣру древнихъ царей и бояръ, вмѣстѣ съ народомъ въ первопрестольной столицѣ, хранительницѣ православной вѣры на Руси. Изданіе это сообщаетъ, въ порядкѣ посѣщенія Государемъ московскихъ святынь, историческія данныя о нихъ, богато иллюстрируя прекрасно составленный текстъ.

Книга заканчивается «Славой», принадлежащей перу В. Ф. Абакумова.

Цитируемъ ее :

Божьей милостью ниспосланному,
 Духомъ Вышняго осіяному,
 Руси праведной солнцу ясному, .
 Никому въ міру не подвластному,
 Средь владыкъ земли Царю главному,
 Царю-Батюшкѣ православному,
 Царю Сильному, терпѣливому,
 Царю Свѣтлomu, справедливому,
 Слава Славъ земныхъ нерушимая,
 Въ долготу времянь негасящая

Слава!

Солнца знаменью предразсвѣтному,
 Неба полемю многоцвѣтному,
 Утра зорюшкѣ кроткой, радостной,
 Зарѣ вечера тихой, благостной,
 Государынямъ нашимъ роднымъ,
 Имъ, заступницамъ всенароднымъ,
 Въ горѣ, бѣдствіяхъ Имъ печальницамъ,
 Въ суетѣ мірской Имъ молчальницамъ,
 Слава съ милостью веразлучная,
 Слава благовѣсть святовзвучная,

Слава!

Маяка огню въ зыби волнъ морскихъ,
 Яснѣ мѣсяцу среди звѣздъ златыхъ,
 Царства русскаго дню грядущему,
 Счастья радости намъ несущему,
 Царскихъ помысловъ заповѣднику,
 Трона Царскаго Свѣтъ-Наслѣднику
 Слава юная, съ нимъ растущая,
 Впереди Его въ міръ бѣгущая,

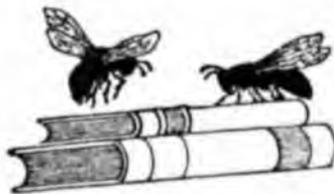
Слава!

Неба ангеламъ средь людей простыхъ,
 Лучшимъ цвѣтикомъ на поляхъ родныхъ,
 Имъ, лебедушкамъ бѣлоснѣжнымъ,
 Государевымъ дочкамъ вѣжнымъ
 Слава чистая, свѣтлогранная,
 Изъ лучей любви изотканная,

Слава!

Славушка, Слава!

Ск.

ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Еще недавно нельзя было критикѣ касаться литературныхъ кумировъ. Они не могли имѣть недостатковъ. Позволялось въ честь ихъ только слагать оды и пѣть имъ гимны. Несогласные молчали.. Чуть кто разѣваль ротъ, на того махали руками и кричали ему: — Что вы, что вы! Молчите! Какъ это можно!

Шумъ заглушалъ голосъ одинокаго протестанта.

И онъ смолкалъ.

Освободительное время, поднявшее страсти, особенно освободило кумировъ отъ критики. Но улегся разгаръ страстей, и здравый разумъ началъ вступать въ свои права. Въ литературѣ, какъ въ обществѣ, понемногу начинается отрезвление. Сначала еще робко раздаются отдѣльные голоса, какъ Измайлова и Адрианава*). На нихъ не замахали и не перекричали ихъ. Они высказались, и ихъ выслушали. Хорошо уже и это. А сколько выражено горькой правды хотя бы о Горькомъ. Извиняюсь за невольный каламбуръ. По поводу послѣдняго произведенія Горькаго — «Лѣто» — Адриановъ въ «Вѣстникѣ Европы» отмѣчаетъ, что оно сфабриковано антихудожественно и притомъ съ явной тенденціозностью.

Искусство, воплощая вѣчную красоту, должно служить жизни въ вѣрномъ ея отраженіи. Горькій идетъ не тѣмъ путемъ. Какую-либо свою отвлеченную идею онъ еле-еле облачаетъ плотью, только чтобы она давала хоть иллюзію жизни. О большемъ авторъ не заботится. Эти поддѣлки подъ жизнь не есть еще жизнь. Но въ угоду идеѣ Горькій не церемонится не только съ языкомъ крестьянъ, но также и съ ихъ психологіей. Мужикъ рѣшаетъ по Горькому проблему полового вопроса такъ: — «Коли баба свободна и по своей охотѣ къ парню идетъ — почему это грѣхъ? Та же милостыня, — парню гдѣ взять?» Подумаешь, какая простота отношеній! Будто и въ самомъ дѣлѣ «подъ мужика» сказано. Но это кажется лишь съ перваго взгляда. Великіе сердцевады, — Пушкинъ, Достоевскій, Толстой, Тургеневъ, никогда такъ не клеветали на народъ. Достоевскій называлъ его Богоносцемъ. Крестьянинъ способенъ низко падать, легко поддается всякому грѣху. Но за грѣмъ покается даже публичнымъ всенароднымъ признаніемъ всей скверны, какъ во «Власти тьмы» у Толстого. Но чтобы мужикъ

*) Съ книгой Измайлова читатели ознакомятся въ слѣд. № „Свѣточа“, въ статьѣ нашего уважаемаго сотрудника Н. А. Мучника.

покрывалъ развратъ философіей, вытекающей изъ холоднаго ума, — это не отвѣчаетъ дѣйствительности. Грѣхъ интеллигенціи нечего навязывать народу. Фраза Горькаго взята напрокатъ изъ тѣхъ брошюркъ, которыя разнуздываютъ порокъ и проблему вопроса рѣшаютъ по-«звѣриному».

Адриановъ въ «В. Е.» говоритъ по этому поводу: «Нѣтъ, положительно не за свое дѣло взялся Максимъ Горькій. Для того, чтобы содѣйствовать росту народнаго самосознанія въ области политической и соціальной мысли, надо имѣть серьезную подготовку, научную и умственную выправку, особый навыкъ и особый темпераментъ. Горькій же въ этомъ отношеніи недалеко отошелъ отъ своего героя, бывшаго военнаго писаря въ «Лѣтѣ», который рассказываетъ про себя:—«У меня не было времени пристально заняться самообразованіемъ. Я человѣкъ, образованный разгромомъ народнаго возстанія. Соціалистическія брошюры я началъ читать всего за годъ до переворота жизни и будущее понимаю, а въ настоящемъ разбираюсь съ большимъ трудомъ, прошлое же русской земли—совсѣмъ темное дѣло для меня».

Этотъ писарь похожъ на самого Горькаго.

Неподготовленный мозгъ Горькаго не справился съ нахлынувшимъ на него потокомъ всевозможныхъ современныхъ идей и воспринялъ изъ нихъ лишь самыя грубыя, элементарныя, какъ наиболѣе понятныя и доступныя. Это оттого, что по пути культуры онъ пошелъ слишкомъ поспѣшно. Какой-нибудь старикъ въ деревнѣ, въ мѣдныхъ очкахъ, сидя надъ Книгою книгъ и раздумывая надъ вѣчными глаголами, постигнетъ жизнь куда совершеннѣе и глубже. Его взгляды будутъ самостоятельно вытекать изъ размышленій, находя себѣ подтвержденіе въ жизни. Таковъ именно ростъ народной мысли, умудренной лѣтами и опытомъ. Онъ цѣннѣе скороспѣлыхъ идей, нахватанныхъ съ вѣтру и сшитыхъ на-скоро, какъ лоскутья въ пестромъ деревенскомъ одѣялѣ. Отсюда всѣ промахи Горькаго, навязывающаго деревнѣ несоотвѣтствующія ей воззрѣнія мысли. Въ будущемъ авторъ рискуетъ совершенно разойтись въ пониманія жизни и высшей правды съ народомъ. И когда-нибудь изъ устъ родной деревни онъ услышитъ себѣ строгій приговоръ :

— Пойди прочь,—ты не нашъ !

И тогда Горькому отъ этого придется очень горько.

Анатолій Горскій.

С М Ъ С Ъ.

Суди не по словамъ, а по дѣламъ. Одинъ ученый путешественникъ, находясь въ Парижѣ, выразилъ врачу душевнобольныхъ желаніе пообѣдать съ сумасшедшимъ. Врачъ пригласилъ его на завтракъ къ себѣ. Ученый встрѣтилъ у него двухъ незнакомыхъ ему гостей. Одинъ, одѣтый во все черное, блѣдый какъ лунь, выражался очень изящно, мѣтко, держался степенно. Другой говорилъ необычайно быстро и обо всемъ, не давая другимъ и слово вставить.

Ученый, съ многозначительнымъ взглядомъ въ его сторону, шеннулъ доктору:

— Замѣчательно интересный субъектъ!

Онъ нисколько не сомнѣвался, конечно, что болливый господинъ — сумасшедшій.

— Вы ошибаетесь, — тихо же, со сдержаннымъ смѣхомъ, возразилъ докторъ. — Вонъ тотъ старикъ — душевнобольной, а это... Балзакъ!

Признаніе. — Пожалуйста, что-нибудь отъ боли въ печени! — обратился къ аптекарю, войдя въ аптеку, посѣтитель.

— Пилюли Пудкина всего лучше, — отвѣтилъ аптекаръ.

— Нѣтъ, только не эти пилюли.

— Но ихъ рекомендуютъ многие профессора, ихъ цѣлебныя свойства засвидѣтельствованы сотнями благодарностей пациентовъ.

Посѣтитель только покачалъ головой.

— Повѣрьте, пилюли Пудкина — очень дѣйствительное лѣкарство.

— Я знаю, но ничему этому не вѣрю.

— Отчего же вы не хотите ихъ испробовать? — настаивалъ аптекаръ.

— Видите ли... я — самъ Пудкинъ.

Артисты Садовскій и Ольриджъ. Знаменитый англійскій трагикъ Ольриджъ посѣтилъ однажды Москву, гдѣ въ то время подвизался не менѣ знаменитый П. М. Садовскій.

Естественно, у обоихъ явилось желаніе познакомиться другъ съ другомъ; знакомство состоялось въ одномъ клубѣ. Садовскій не зналъ англійскаго языка; Ольриджъ не говорилъ ни слова по-русски. Они сѣли другъ противъ друга за столъ и смотря другъ на друга.

— Мусью, пьешь лафитъ? — спросилъ Садовскій.

— Одрайтъ! — отвѣтилъ Ольриджъ.

— Ну, зачѣмъ орать! Мы выпьемъ потихоньку.

Выпили. Ольриджъ потребовалъ коньяку. Выпили и его и разошлись довольные другъ другомъ.

